

ХИТ #1 НА iTunes!

Добро пожаловать в Найт-Вэйл

ДЖОЗЕФ ФИНК & ДЖЕФФРИ КРЭЙНОР

**Идеальная книга для фанатов творчества
Стивена King, а также сериала
«Сумеречная зона».**

«Guardian»

Джозеф Финк

Добро пожаловать в Найт-Вэйл

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Финк Д.

Добро пожаловать в Найт-Вэйл / Д. Финк — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-093612-0

Добро пожаловать в Найт-Вэйл. Милый городок в пустыне, где светит жаркое солнце, сияет дивная луна и загадочные огни проносятся над головой, когда все делают вид, что спят. Здесь живут привидения, ангелы, пришельцы и... вполне обычные люди. Казалось бы, странные события для этого городка – неотъемлемая часть повседневной жизни. Но однажды в Найт-Вэйле появляется незнакомец. И что действительно странно – он абсолютно нормальный человек. Однако его лицо никто не может запомнить, а от его листовок с одним-единственным словом «Кинг-Сити» не так-то просто избавиться. Где этот Кинг-Сити? Как туда попасть? У двух обитательниц Найт-Вэйла – Дианы Крейтон и Джеки Фиерро – есть очень разные, но одинаково серьезные причины, чтобы это узнать...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093612-0

© Финк Д., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джозеф Финк, Джеффри Крэйнор

Добро пожаловать в Найт-Вэйл

Joseph Fink
Jeffrey Cranor
Welcome to Night Vale

© Joseph Fink, Jeffrey Cranor, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Мег Бэшуинер и Джиллиан Суини

У города Найт-Вэйл долгая и запутанная история, уходящая корнями на много тысяч лет назад к первым обитателям пустыни. Здесь мы их касаться не станем. Достаточно сказать, что этот город похож на множество других – с мэрией, боулинг-клубом «Цветок пустыни», комплексом игровых автоматов, закуской «Лунный свет всю ночь», супермаркетом «Ральфс» и, конечно же, своей радиостанцией, передающей все новости, которые нам разрешается услышать. Со всех сторон он окружен бескрайней пустыней. Возможно, он очень похож на ваш город. Очень может быть, что он похож на ваш город даже больше, чем вам хотелось бы.

Это милый городок в пустыне, где светит жаркое солнце, сияет дивная луна и загадочные огни проносятся над головой, когда мы все делаем вид, что спим.

Добро пожаловать в Найт-Вэйл.

Глава 1

Ломбарды в Найт-Вэйле работают следующим образом.

Во-первых, вам нужна вещь, чтобы ее заложить.

Чтобы получить ее, потребуется масса прожитого времени, годы, проведенные в жизни и существовании, пока вы не достигнете момента, когда поверите в то, что существуете, что существует материальная вещь и само понятие собственности и что (невероятно, как и все перечисленное) эти абсурдные убеждения выстраиваются таким образом, что конечным результатом является ваше обладание вещью.

Прекрасно. Отличный результат.

Во-вторых, как только вы поверите, что владеете вещью, вы должны достичь точки, когда деньги понадобятся вам больше, чем вещь. Это самый легкий этап. Вы просто владеете вещью и телом с потребностями – и ждете.

Единственный ломбард в городе Найт-Вэйл держит очень молодая особа Джеки Фиерро. У ломбарда нет названия, но если он вам понадобится, вы сами узнаете, где он находится. Знание это придет к вам внезапно, скорее всего, когда вы будете находиться в душе. Вы отключитесь, окруженные яркой светящейся чернотой, а потом обнаружите, что стоите на четвереньках под омывающей вас теплой водой, и узнаете, где ломбард. От вас запахнет затхлостью и мылом, и вы вдруг запаникуете от одиночества. Это будет напоминать большинство походов в душевую.

Прежде чем вы сможете предложить Джеки свою вещь, вам надо будет омыть руки, – именно поэтому в заведении стоят чаши с очищенной водой. Пока вы моете руки, вам надо что-то напевать. Вам, конечно же, всегда нужно напевать, когда вы моете руки. Это всего лишь часть гигиенической процедуры.

Когда вы должным образом очиститесь, вы положите вещь на прилавок, а Джеки ее рассмотрит.

Джеки закинет ноги на прилавок. И откинется на спинку стула.

– Одиннадцать долларов, – скажет она. Она всегда говорит «одиннадцать долларов».

Вы не ответите. Вам в конечном счете необязательно участвовать в этом процессе. В вас по большому счету нет необходимости.

– Нет-нет, – скажет она, помахивая рукой. После чего назовет настоящую цену.

Обычно это деньги. Иногда – что-то другое: сны, ощущения, видения. Потом вы умрете, но совсем ненадолго. На вещь повесят ценник: одиннадцать долларов. В ломбарде все идет по этой цене вне зависимости от того, сколько вы получили.

Когда вы вновь оживете, она выдаст вам квитанцию, которую вы потом сможете обменивать на сданную вещь или же в любое время взглянуть на нее, чтобы вспомнить ту вещь. Воспоминания бесплатны.

Теперь вы покидаете эту историю. Вы стали всего лишь примером, и вам, возможно, лучше вообще не попадать в истории.

Джеки Фиерро, прищурившись, взглянула из окна на автостоянку. Никого. Скоро ей закрываться. Говоря относительно, она всегда или вскоре закрывалась, или только что открылась.

За окном простиралась автостоянка, а за ней – пустыня, а за пустыней – небо, по большей части пустое, кое-где усыпанное звездами. С ее точки зрения, все это представлялось бесконечностью, недостижимой с ее места за прилавком.

Недавно ей исполнилось девятнадцать. Ей всегда только что исполнялось девятнадцать, сколько она себя помнила. Она очень долго была хозяйкой ломбарда, возможно, несколько

столетий. В Найт-Вэйле часы и календари работают абы как. Там само время течет абы как. Каждый раз она в качестве «новорожденной» девятнадцатилетней владелицы ломбарда покидала заведение только тогда, когда оно закрывалось, и только затем, чтобы отправиться к себе в квартиру, где садилась, закинув ноги на журнальный столик, и слушала городское радио и местные новости по кабельной сети. Если верить новостям, внешний мир был очень опасным местом. В нем всегда присутствовал какой-то глобальный катаклизм, угрожавший Найт-Вэйлу. Дикие собаки. Разумное светящееся облако, способное управлять мыслями (хотя Светящееся Облако сделалось менее угрожающим с тех пор, как его выбрали в местный школьный совет). Старинные дубовые двери, ведущие в неизведанный мир пустыни, где долгие месяцы удерживался нынешний мэр города. Казалось, лучше было не иметь ни друзей, ни хобби, сидеть на работе, склонив голову, и заниматься своим делом, а потом – сидеть дома, поглощая апельсиновый сок стакан за стаканом, и слушать радио, отгородившись от всего, что могло бы нарушить ее размеренную жизнь.

Дни ее проходили в молчании, по большей части в пустоте, частично в раздумьях. Иногда она исправляла инвентарную ведомость. Иногда – расчищала полки. Каждый день она садилась и размышляла. Пыталась вспомнить день, когда взялась управлять заведением. Такой день наверняка был, но ничем особенным ей не запомнился. Она занималась этим десятки лет. Она была очень молода. И первое, и второе было правдой.

Она знала, что колледж – это какая-то штука для девятнадцатилетних. Она знала, что безработица на неустойчивом рынке труда и жизнь с родителями – проблемы девятнадцатилетних. Она довольствовалась тем, что ее это не касалось, и продолжала работать в ломбарде.

Она понимала мир и свое место в нем. Она ничего не понимала. Мир и ее место в нем были ничем, и она понимала это.

Из-за недостатка рабочего времени в Найт-Вэйле она полагалась лишь на собственное чутье, решая, когда закрывать заведение. Когда это чувство приходило, оно просто приходило, и надо было запирать двери, вынимать их из рам и надежно прятать.

Чувство пришло. Она убрала ноги с прилавка. Неплохой день выдался. Заходила Старуха Джози, жившая рядом с автостоянкой, и принесла огромное количество дешевых пластиковых фламинго. Притащила их в большом холщовом мешке и вывалила фигурки на прилавок, как грудую мелочи.

– Я отдаю этих малюток не ради себя, а ради будущего, – громко и высокопарно произнесла Старуха Джози, обращаясь к голой стене в паре метров справа от Джеки и описывая ладонью полукруг. Джози умолкла, оставшись стоять с поднятой ладонью.

Джеки решила, что речь окончена, и сказала:

– Ну хорошо. Я дам вам одиннадцать долларов.

Старуха Джози еще пристальнее уставилась на голую стену.

– Ну ладно, – смягчилась Джеки, потыкав пальцем во фламинго и глядя на его мягкий пластиковый живот. – Вот что, я дам вам крепкий сон.

Старуха Джози пожала плечами:

– Возьму.

Крепкий сон представлял собой чрезвычайно выгодное предложение. Фламинго ничего не стоили, но их было так много, что Джеки не смогла удержаться. Она никогда не отказывалась от заклада.

– Осторожнее, не касайтесь их голыми руками, – предупредила Джози, когда вернулась из смерти в жизнь.

Обернув руки тряпками, Джеки разложила фламинго в несколько рядов на полке, прикрепив к каждой фигурке написанный от руки ценник в одиннадцать долларов. «К большинству вещей и так никто не притронется», – подумала Джеки.

– До свидания, дорогая, – попрощалась Старуха Джози, взяв выписанную Джеки квитанцию. – Заходите как-нибудь поговорить с ангелами. Они спрашивают о вас.

Ангелы жили у Старухи Джози в ее типовом коттедже – единственном напоминании об исчезнувшем коттеджном поселке, одиноко стоявшем на краю города. Ангелы выполняли мелкие поручения Старухи Джози, и та вполне прилично зарабатывала, продавая вещи, к которым они прикасались. Никто не понимал, почему ангелы живут у нее. Об ангелах вообще мало что понимали. Как и о некоторых других вещах.

Разумеется, ангелы не существуют. Противозаконно размышлять об их существовании или даже давать им доллар, когда они, забыв мелочь на проезд, начинают парить вокруг «Ральфса», выпрашивая пару монет. Великая ангельская иерархия – глупая мечта и, в любом случае, запретное знание для граждан Найт-Вэйла. Все ангелы Найт-Вэйла живут у Старухи Джози рядом с автостоянкой. В Найт-Вэйле ангелов нет.

Где-то в середине дня Джеки обзавелась машиной. Это был не очень старый «мерседес», который предложил ей куда-то торопившийся молодой человек, одетый в заляпанный грязью серый в тонкую полоску деловой костюм. Невероятно, как ему удалось взгромоздить машину на прилавок, но ведь он как-то это сделал, и автомобилю пришлось отправиться на прилавок. Молодой человек мыл руки и напевал. Вода сделалась красно-коричневой.

Они сторговались на пяти долларах – она сбила цену с одиннадцати, и он рассмеялся, беря деньги и квитанцию.

– Это совсем не смешно, – объяснил он, смеясь.

И, наконец, уже под вечер пришла женщина по имени Диана Крейтон – почти перед закрытием, согласно чутью Джеки.

– Чем могу помочь? – спросила Джеки. Она и сама не совсем понимала, зачем задала этот вопрос, поскольку редко здоровалась с посетителями.

Джеки знала, кто такая Диана. Она организовывала сбор денег по поручению Ассоциации родителей школы. Иногда ей случалось раздавать листовки с призывами вроде «Сбор средств в пользу средней школы Найт-Вэйла! Поможем дать детям муниципально одобренное образование, которого они заслуживают. Ваша поддержка обязательна и очень важна!».

По мнению Джеки, Диана выглядела именно так, как и надлежало мамаше-активистке из Ассоциации родителей – прилично одетой и с добрым лицом. Ей также казалось, что Диана с ее неброским макияжем и сдержанными манерами похожа на кредитного специалиста. Она вполне могла сойти и за аптекаря, если бы когда-нибудь надела обычный белый халат, противогаз и болотные сапоги.

Джеки она казалась похожей на многих. Но больше всего она походила на человека, потерявшегося в пространстве и времени.

Диана достала из сумочки носовой платок. Не меняя отстраненного выражения лица и глядя куда-то вверх, она уронила на ткань одинокую слезу.

– Я хотела бы предложить вот это, – сказала она, наконец взглянув на Джеки.

Та посмотрела на платок. Слеза скоро высохнет.

– Одиннадцать долларов. Договорились? – спросила Джеки.

– Хорошо, – ответила Диана. Ее вяло свисавшие руки потянулись к сумочке.

Джеки взяла окропленный слезой платок и выдала Диане квитанцию и деньги.

После кратковременной смерти Диана поблагодарила ее и быстро вышла из ломбарда. Джеки навесила на слезу ценник в одиннадцать долларов и поместила ее на полку.

Так что выдался неплохой день. Джеки повесила на дверь табличку «ЗАКРЫТО», коснувшись стекла рукой и оставив на нем призрачный след. Руки, поднятой, чтобы сказать: «Стоп», или «Иди сюда», или «Привет», или «Помогите», или просто: «Я здесь. Рука, по крайней мере, настоящая».

Она наклонила голову, раскладывая вещи на прилавке, а когда подняла, увидела стоявшего перед ней мужчину.

На нем был светло-коричневый пиджак, в руке он держал чемодан из оленьей кожи. Выглядел мужчина вполне по-человечески. С руками и ногами. Возможно, даже с волосами, а может, на нем была шляпа. В общем, все было нормально.

– Здравствуйте, – произнес он. – Меня зовут Эверетт.

Джеки завизжала. Мужчина был совершенно нормальным. Она завизжала.

– Извините, – продолжил он. – Вы уже закрылись?

– Нет-нет, все в порядке. Могу я вам чем-то помочь?

– Надеюсь, что сможете, – ответил он. Откуда-то слышалось жужжание. У него изо рта? – У меня есть вещь, которую я очень бы хотел заложить.

– Я... – начала она и взмахнула рукой, показав все, что могла бы сказать дальше. Он покивал ее руке.

– Благодарю за содействие. Я уже представился?

– Нет.

– Ах, прошу прощения. Меня зовут Эмметт.

Они пожали друг другу руки. Ее рука продолжала сжимать воздух после того, как он убрал свою.

– Да, хорошо, – произнес он. – Вот эта вещь. – Он положил на прилавок небольшой листок бумаги. Написанные карандашом буквы сложились в слова «КИНГ-СИТИ». Почерк был неровный, и на грифель сильно давили. Она не могла оторвать глаз от этих слов, хотя сама не понимала, что в них интересного.

– Интересно, – сказала она.

– Нет, не очень, – ответил мужчина в светло-коричневом пиджаке.

Он вымыл руки и тихонько что-то пропел, а Джеки заставила себя откинуться на спинку стула и задрать ноги на прилавок. Вот так все это делается. Она несколько раз взглянула в лицо мужчины, но обнаружила, что забывает его, как только отводит взгляд.

– Одиннадцать долларов, – произнесла она. Мужчина что-то промурлыкал, и тут вступили тихие голоса, раздававшиеся, очевидно, из чемодана оленьей кожи.

– Откуда это взялось? – спросила она. – Зачем вы мне это предлагаете? Что мне с этим делать? – Ее голос был визгливым и надтреснутым. Совсем не похоже на нее.

Мужчина подпевал голосам из чемодана. Казалось, он не заметил ее вопросов.

– Нет-нет, извините, – стушевалась она, понимая, что не умеет вести деловой разговор, но не в силах остановиться. – Я ошиблась. Тридцать долларов и представление о времени.

– Годится, – ответил он, улыбаясь.

А он правда улыбнулся?

Джеки выдала ему тридцать долларов и изложила свое представление о времени.

– Это очень интересно, – сказал мужчина. – Я никогда не думал об этом в таком ключе. Как правило, я вообще не думаю.

Потом он умер. Обычно она использовала это время, чтобы закончить бумажную работу и выписать квитанцию. На этот раз она ничего не сделала и лишь сжимала в руке листок бумаги. Он вернулся из мертвых.

– Извините. Ваша квитанция.

– Не надо, – ответил он, все еще, наверное, улыбаясь. Она не могла хорошенько рассмотреть его лицо, чтобы сказать наверняка.

– Нет, квитанция. Здесь так заведено.

Она нацарапала квитанцию – все как полагается. Случайный номер (12739), качество освещения на момент сделки («прекрасное»), общее ощущение погоды за окном («размытое марево»), свое текущее представление о будущем («размытое, но прекрасное») и быстрый

набросок того, как, по ее мнению, должны выглядеть сердца вместо пульсирующих комьев из соломы и глины, врастающих, как раковые опухоли, к нам в грудь, когда нам исполняется девять лет.

Он взял протянутую квитанцию, после чего поблагодарил ее и повернулся, собираясь уйти.

– До свидания, – попрощалась она.

«КИНГ-СИТИ» – было написано на бумаге.

– До свидания, – помахал рукой мужчина, ничего не говоря.

– Подождите, – спохватилась она. – Вы так и не сказали, как вас зовут.

– Ах да, вы правы, – отозвался он, уже коснувшись рукой двери. – Меня зовут Эллиот.

Приятно было познакомиться.

Дверь распахнулась и тут же захлопнулась. Джеки держала в руке листок бумаги, впервые за всю свою предположительно долгую жизнь не уверенная в том, что делать дальше. Она чувствовала, что ее размеренная жизнь, которая плавно текла много десятков лет, вдруг нарушилась и что-то пошло не так. Но в то же время она понятия не имела, почему это чувствует. Это же просто клочок бумаги, все еще зажатый в ее руке, вот и все.

Она уже заканчивала бумажную работу, как вдруг споткнулась на графе «сдатчик». Она не могла вспомнить, как его зовут. Не могла даже вспомнить его лица. Взглянула на листок бумаги: «КИНГ-СИТИ». Подняла глаза, чтобы разглядеть его в окошке, чтобы сдвинуть память с мертвой точки.

Стоя за прилавком, Джеки увидела на улице мужчину в светло-коричневом пиджаке, бежавшего в сторону пустыни. Она едва различала его фигуру на самом краю освещенной автостоянки. Он бешено размахивал руками, и чемодан подпрыгивал им в такт. Ноги его неистово молотили по земле, поднимая тучи песчаной пыли. Голова была запрокинута назад, и даже со своего места она видела, как по шее у него струится пот. Мужчина бежал так, словно стремился от чего-то, а не к чему-то. Наконец он исчез, оставив за собой тусклую полосу света.

Глава 2

Вот этот дом. Он похож на многие другие дома. Представьте себе, как выглядит дом.

В то же время он не похож на многие другие дома. Снова представьте себе этот дом.

С учетом всего этого он одновременно похож и не похож на другие дома. Он в точности такой же, как все дома.

С одной стороны, своей формой он напоминает другие дома. У него форма дома. Это именно дом, скажут люди, если им покажут его изображение. С другой стороны, он не похож на другие дома именно своей формой. Форма у него не совсем обычная. Конечно же, это дом, но есть что-то еще, какая-то красота внутри этого дома, скажут люди, если им покажут его изображение. Не знаю, к месту ли тут слово «красота». Это больше похоже... похоже на... Вообще-то мне не по себе. Прошу вас, хватит показывать мне эту картинку. Пожалуйста, могут взмолиться те же люди через несколько секунд. Это ужасно, это жуткая красота, которую я не понимаю. Прошу вас, прекратите.

Ну ладно, скорее всего, ответит человек, показывающий эту картинку, поскольку он может оказаться добрым и душевным. Трудно сказать, добрый ли он и душевный, если вы ничего не знаете о человеке, кроме того, что он показывает другим изображения домов. Но ведь бессмысленно идти по жизни, заранее думая плохо о людях, которых не знаешь.

Вполне разумно предположить, что дом есть некая замкнутая структура, построенная людьми и находящаяся в их владении.

Весьма странно предполагать, что дом обладает индивидуальностью, душой. Как это может прийти кому-то в голову? Это верно. Обладает. Но именно странно это предполагать. Никогда не предполагайте подобных вещей.

Еще он не похож на другие дома своими мыслями. Большинство домов не думают. У этого дома мысли есть. Эти мысли не видны на картинке. И люди их тоже не показывают. Но мысли умеют проникать во внешний мир. По большей части с помощью снов. Когда человек спит, дому вдруг может прийти мысль: «Серо-коричневый цвет не усиливает эмоции. Он практичен и банален. Никто не закричит, увидев что-то серо-коричневое». Или другая мысль: «О, боже мой, время!» Или даже: «Что такое время?» И спящему человеку такая мысль тоже может прийти в голову.

Эти мысли также могут передаваться под душем. Агрессивные мысли. Злые мысли. Мысли, которые нужно подавить, прежде чем общаться с людьми. Мысли вроде глухого утробного урчания или когда костяшки пальцев хрустят, кулаки и зубы сжимаются, глаза перестают воспринимать любую новую информацию и вода стекает по окаменевшему лицу.

Мысли повсюду. Иногда они вполне банальны. «Где-то за спинкой кровати сидит мышь и что-то грызет» – вот пример подобной мысли.

Еще он походит на другие дома тем, что там селятся люди. Например, там живет женщина.

Представьте себе женщину.

Прекрасно.

Еще там живет мальчик. Не совсем мужчина. Ему пятнадцать лет. Вы знаете, как это бывает.

Представьте себе пятнадцатилетнего мальчика.

Не-а. Совсем не так. Еще разок.

Нет.

Нет.

Ладно, хватит.

Он высокий. Худой, с короткими волосами и длинными зубами, которые он прячет, когда улыбается. Он улыбается чаще, чем ему кажется.

Представьте себе пятнадцатилетнего мальчика.

Нет. Еще разок.

Нет. Не угадали.

Его пальцы двигаются так, словно они без костей. Глаза – как будто у него совсем нет терпения. У него язык, который каждый день меняет свою форму. Его лицо каждый день меняет форму. Его скелет, цвет кожи и волосы меняются каждый день. Он всегда оказывается не таким, каким вы его запомнили. Он всегда не похож на прежнего себя.

Представьте себе...

Хорошо. Вот теперь и вправду хорошо.

Его зовут Джош Крейтон.

Ее имя – Диана Крейтон. Она – его мать. Она видит себя в Джоше.

Джош похож на множество разных вещей. Он постоянно меняет свою физическую форму. В этом смысле он отличается от большинства своих сверстников. Ему кажется, что он одновременно представляет собой разные сущности, многие из которых противоречат одна другой. В этом он похож на большинство своих сверстников.

Иногда Джош принимает облик морской лисицы с хищными, зализанными формами, или кенгуру, или платяного шкафа Викторианской эпохи. Иногда он импровизирует с обликом: рыба голова с клыками цвета слоновой кости и крыльями бабочки-данаиды.

– Ты так сильно изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз, – часто говорят ему.

Люди говорят это всем подросткам, но, обращаясь к Джошу, вкладывают в эти слова более глубокий смысл.

Джош не помнит, как он выглядел в последний раз, когда виделся с тем или иным человеком. Как и большинство подростков, он всегда был тем, кем ему выпало быть в какой-то момент, пока навсегда не распрощался с этим бытием.

Была девочка, которая нравилась Джошу, но Джош нравился ей лишь в облике двуногого существа. Джошу не всегда нравится быть двуногим, поэтому эта новость его расстроила. Был мальчик, который нравился Джошу, а ему Джош нравился, когда превращался в классную зверушку. Джошу всегда нравится быть классной зверушкой, однако он несколько иначе воспринимал слово «классная», нежели тот мальчик. Это стало еще одним разочарованием и для Джоша, и для мальчика, которому гигантские сороконожки представлялись совсем не классными.

Диана любила Джоша во всех его обликах и проявлениях. Сама она не меняла свою форму, а лишь демонстрировала небольшие изменения, сопутствующие возрасту.

Иногда Джош пытался провести Диану, принимая облик крокодила, стаи летучих мышей или костра. Сначала Диана думала, что надо всегда быть начеку на случай, если и вправду появится опасное пресмыкающееся, рой бешеных летучих млекопитающих или загорится дом. Но как только она поняла всю ситуацию, то сразу успокоилась, и любила его таким, каким он перед ней предстал. Не важно, как он выглядел. В конце концов, она была матерью подростка.

– Пожалуйста, прекрати визжать и залетать в буфеты, – говаривала она. Очень важно обозначить границы.

Иногда Джош предстает в облике человека. Когда это случается, он часто превращается в низкорослого, плотного, толстощекого мальчишку в очках.

– Именно таким ты себя видишь? – как-то раз спросила Диана.

– Иногда, – ответил Джош.

– Тебе нравится, как ты выглядишь? – продолжила Диана.

– Иногда, – отвечал Джош.

Диана не стала дальше давить на Джоша. Она чувствовала, что его короткие ответы – знак того, что он не очень-то хочет говорить.

Джошу же хотелось, чтобы мама побольше с ним разговаривала. Его короткие ответы демонстрировали то, что он толком не знает, как общаться с людьми.

– Что? – спросил Джош как-то раз во вторник вечером. У него была гладкая фиолетовая кожа, заостренный подбородок и угловатые тощие плечи.

Телевизор был выключен. Учебник лежал раскрытым, но его никто не читал. Экран телефона светился, и острый большой палец щелкал по клавиатуре.

– Пойдем поговорим, – предложила Диана из-за приоткрытой двери. Ей не хотелось открывать ее полностью. Это не ее комната. Она старалась изо всех сил. В тот день она продала Джеки слезу. Как же стало хорошо от того, что кто-то действительно ценил то же, что и она. К тому же в тот месяц она потратила больше, чем обычно, и ей понадобились деньги. В конце концов, она одинокая мать.

– О чем?

– О чем-нибудь.

– Я занимаюсь.

– Занимаешься? Не хочу тебя беспокоить, если ты занимаешься.

– Бип, – добавил телефон.

– Если ты занимаешься, тогда я пойду, – сказала она, делая вид, что не слышала телефон.

– Что? – спросил Джош в другой вечер. Был вторник, а может, и не вторник. У него была светло-оранжевая кожа. Или темно-аквамариновая. Или из его нижних век росла густая щетина. Или его глаз вообще не было видно из-за затейливо закрученных бараньих рогов. Так случалось почти каждый вечер. Так проявлялась все более усиливавшаяся забота о ребенке.

Телевизор был выключен. Учебник лежал раскрытым, но его не читали. Экран телефона светился.

– Как дела? – иногда спрашивала Диана.

Иногда она интересовалась:

– Что происходит?

Иногда говорила:

– Просто смотрю, как ты там.

– Джош, – порой произносила Диана, стоя вечером у его двери. Иногда она стучалась. – Джош, – повторяла она после некоторого молчания. – Джош, – иногда не повторяла она после некоторого молчания.

– Дыц-дыц-дыц, – иногда отвечал Джош. Не вслух, а выноской, как реплики в комиксах. Он рисовал другие вещи, которые хотел сказать, но сам не знал как.

«Вообще-то тафта мне не нравится», – подумал дом, и Диана поделила эту мысль.

– Джош, – сказала Диана, сидя на пассажирском сиденье своего темно-вишневого фордовского хэтчбека.

– Что? – отозвался сидевший на водительском месте паук-волк.

– Если собираешься учиться водить машину, тебе нужно доставать до педалей.

Паук-волк вытянулся, и две его средних ноги устремились к полу машины, осторожно коснувшись педалей.

– А также следить за дорогой, Джош.

Из тела паука выросла человеческая голова с лицом и волосами пятнадцатилетнего мальчика, а паучье брюхо раздулось, превратившись в нечто, напоминающее торс примата. Ноги остались длинными и тонкими. Ему казалось, что он классно выглядит, управляя машиной в облике паука-волка. Он и вправду классно выглядел, хотя держать машину на дороге было трудно. Ему было важно классно выглядеть за рулем, хотя он и не смог бы внятно объяснить, зачем именно.

Диана смирила его долгим взглядом. Джош принял полностью человеческий облик, разве что на спине и плечах остались перышки. Диана заметила, что они выглядывают из-за рукавов его рубашки, но решила, что не во все битвы стоит ввязываться.

– Нужно иметь человеческий облик, когда ведешь машину.

В Джоше Диана видела себя. В свое время она тоже была подростком. Она понимала эмоции. Сопереживала. Не знала, чему именно, но сопереживала.

Джош запыхтел, однако Диана напомнила ему, что если он хочет водить ее машину, то станет играть по ее правилам, которые включали отсутствие семисантиметрового паука-волка. Диана напомнила ему о велосипеде, представлявшем собой вполне приемлемое средство передвижения.

Чтобы научить своего сына водить, Диане требовалось дополнительное терпение, и не только потому, что Джош упрямился и постоянно менял свой физический облик, но и от того, что у машины была ручная коробка передач.

Представьте себе обучение пятнадцатилетнего мальчика вождению на машине с ручной коробкой передач. Сначала нужно выжать сцепление. Затем нужно прошептать секрет в один из чашкодержателей. В случае с Дианой это было легко, потому что она не отличалась общительностью и почти любое обыденное событие в ее жизни могло стать секретом. В случае же с Джошем это оказалось нелегко потому, что у подростков почти каждое обыденное событие в их жизни становится секретом, которыми они не любят делиться со своими родителями.

Затем, после сцепления и секрета, водителю нужно взяться за переключатель скоростей, представляющий собой расщепленную деревянную палку, загнанную в приборную доску, и трясти ее, пока что-нибудь не произойдет. На самом деле все, что угодно. А потом одновременно вбить серию кодовых номеров в клавиатуру на рулевом колесе. И все это в то время, когда агенты в темных очках из неясного, но грозного правительственного учреждения сидят в седанах с сильно затонированными стеклами, стоящих на противоположной стороне улицы, и фотографируют, время от времени помахивая руками. Это очень сильно давит на впервые севшего за руль.

Мама очень часто выводила Джоша из себя. Это от того, что Диана – не лучший учитель. А еще от того, что Джош – не лучший ученик. Были и другие причины.

– Джош, ты должен меня послушать, – говорила Диана.

– Я понял. Понял, ладно, – отвечал Джош, вообще ничего не понимая.

Диана обожала спорить с Джошем о вождении, потому что в это время они говорили, укрепляли взаимоотношения. Не так-то легко быть матерью подростка. Джошу это тоже нравилось, но неосознанно. Внешне он выглядел жалко. Ему просто хотелось водить машину, а не делать все то, что необходимо для умения водить машину, вроде владения машиной и уроков вождения. И он иногда спрашивал:

– А почему папа не приедет и не научит меня?

Потому что он знал, что от этого вопроса ей станет больно. Потом ему станет плохо от того, что он причинил ей боль. Диане тоже станет плохо. Они будут сидеть в машине, и обоим будет плохо.

– У тебя хорошо получается, – как-то раз сказала Диана Джошу – просто так, чтобы не молчать.

«Значит, в остальных случаях у меня получается нехорошо», – подумал Джош, поскольку не понял контекста ее высказывания.

– Спасибо, – ответил он, стараясь быть благодарным.

– Тебе еще многое надо отработать, – не сказала Диана. – Мне жаль, что твоего отца здесь нет, – также не добавила она. – Но я стараюсь изо всех сил. Стараюсь, Джош. Стараюсь, стараюсь, стараюсь, – не закончила она. Пока что самоконтроль ее не подводил.

«Я и впрямь здорово вожу машину», – часто думал Джош, даже когда слишком близко прижимался к отбойникам на автострадах, выезжал на обочины или не уступал дорогу фигурам в капюшонах, результатом чего становилась обязательная многочасовая городская апатия. Правила дорожного движения в Найт-Вэйле очень запутанные, и гражданские водители знают лишь то, что им положено знать.

Их уроки вождения часто заканчивались словами «очень неплохо», «спасибо» и короткой паузой, после чего они расходились по отдельным безмолвным комнатам. Чуть позже Диана стучала и говорила: «Джош», а тот отвечал или нет.

Диане было больно. Она не отдавала себе в этом отчета, но все было именно так.

– Джош, – каждый день говорила она, очень часто и по различным причинам.

Джош любил свою мать, но не знал почему. Диана любила своего сына и не задумывалась почему.

А еще дом отличался от других домов тем, что в нем тайно жила безликая женщина, хотя для нашего повествования это и не важно.

Глава 3

«КИНГ-СИТИ», – было написано на бумаге.

За всю свою жизнь Джеки никогда не испытывала страха. Она ощущала неуверенность, беспокойство, грусть и радость, которые все сродни страху. Но самого страха она не испытывала никогда. И тогда тоже.

Она принялась закрывать заведение – протирать раковину в туалете, мыть полы и поправлять толстую мешковину, прикрывавшую запрещенные или секретные предметы вроде машины времени, которую Ларри Лерой выкрал из Музея запрещенной техники, и ручек с карандашами (в Найт-Вэйле письменные принадлежности уже давно находились вне закона по причинам охраны общественного здоровья, хотя все тайком пользовались ими).

Джеки все еще сжимала листок бумаги в руке. Не осознавая этого, она занималась своими делами, но бумажка оставалась у нее в руке. Смазанные написанные карандашом буквы. Торопливый почерк. Она положила ее на треснувшее стекло, лежавшее поверх прилавка.

Теперь настало время покормить живые предметы. Некоторые вещи были живыми. Какие-то из них были собаками, какие-то – нет.

В пустыне появились огоньки – низко висящие светящиеся пузыри, приближающиеся и исчезающие. Раньше Джеки их никогда не видела. Она не обращала на них внимания, как и на все, что не входило в узкий круг ее обыденной жизни.

В Найт-Вэйле всегда было что-то, чего она раньше никогда не видела. Был человек, мимо которого она как-то прошла в пустыне, – он обрезал ножницами кактус, словно стриг его. Был кактус с густой шевелюрой на макушке. Был день, когда маленькая трещинка, всегда видимая на небе, вдруг открылась, и оттуда вылетели несколько птеродактилей. Чуть позже выяснилось, что это были птеранодоны, так что паника поднялась напрасно.

Она закончила сверять инвентарную ведомость. Листок все еще оставался у нее в руке.

«КИНГ-СИТИ», – значилось на нем.

Как он туда попал?

– Как это сюда попало? – спросила Джеки.

Собаки не ответили, менее разумные предметы – тоже.

В задней комнате она положила бумагу в ящик стола, который не использовала для работы, которой у нее не было.

Процедура закрытия заведения завершилась. Если честно – а Джеки пыталась быть честной, – она искала повод не уходить. Если честно, а она старалась быть честной, пол, например, был довольно чисто вымыт. Джеки посмотрела в окно. Низко висевшие над пустыней светящиеся пузыри исчезли. Не осталось ничего, кроме далекого самолета, медленно ползущего по небу, и его тусклых красных огней-маячков, своим мерцанием отбивавших сообщение:

«ПРИВЕТ. ЗДЕСЬ КРОХОТНЫЙ ОСТРОВК ЖИЗНИ, СОВСЕМ РЯДОМ С КОСМОСОМ. МОЛИТЕСЬ ЗА НАС. МОЛИТЕСЬ ЗА НАС».

Листок был у нее в руке.

«КИНГ-СИТИ», – было написано на нем.

Джеки впервые испытала страх и не знала, что это такое.

Впервые за долгое время она пожалела, что у нее нет друга, которому можно позвонить. В школе друзья у нее были, она это знала, хотя о самой школе у нее сохранились смутные и спутанные воспоминания. Никто из ее друзей не остановился на отметке в девятнадцать лет. Они выросли и жили своей жизнью. Они старались поддерживать с ней контакт, но это оказалось нелегко, потому что они делали карьеру, растили детей и выходили на пенсию, а Джеки так и оставалась девятнадцатилетней.

– Так тебе до сих пор девятнадцать? – спросила Ноэль Коннолли, когда они в последний раз разговаривали по телефону. В ее голосе слышалось явное неодобрение: – О, Джеки, ты когда-нибудь думала, чтобы взять и стать двадцатилетней?

Они дружили с тех пор, как за два года до окончания школы вместе начали заниматься испанским, но когда Ноэль наконец-то задала Джеки этот вопрос, ей уже исполнилось сорок восемь, и говорила она с Джеки тошнотворно-покровительственным тоном. Джеки так ей и сказала, и тон Ноэль сделался открыто снисходительным, после чего они обе швырнули трубки и с тех пор никогда не разговаривали. Взрослеющим и стареющим людям кажется, что они такие мудрые, подумала Джеки. Словно время вообще ничего не значит.

Пока она стояла, сжимая в руке листок бумаги, само собой включилось радио. Оно всегда включалось в это вечернее время. К ней обратился Сесил Палмер, ведущий городского радио Найт-Вэйла. Новости, городской календарь, ситуация на дорогах.

Когда могла, Джеки слушала Сесила. Его слушал почти весь город. Дома у нее был радиоприемник всего около полуметра в ширину и почти полметра в высоту («не больше 6 килограмм!») с перламутровой рукояткой и острокрылыми орлами с раскрытыми клювами, вырезанными в верхних углах.

Радиоприемник подарила ей мама на ее случившийся когда-то давным-давно шестнадцатый день рождения, и он остался одной из любимых вещей Джеки вместе с коллекцией пластинок, которые она никогда не слушала, потому что еще не обзавелась лицензией на владение проигрывателем.

Сесил Палмер сообщал об ужасах повседневной жизни. Почти в каждой передаче говорилось о неминуемой беде или смерти, а то и о чем похуже – о долгой жизни, прожитой в страхе перед бедой или смертью. Не то чтобы Джеки хотелось узнать все плохие мировые новости. Ей просто очень нравилось сидеть в окутанной мраком спальне, завернувшись в одеяла и невидимые радиоволны.

Всем известно, что жизнь полна стрессов. Это верно всегда и везде. Но в Найт-Вэйле стрессов куда больше. В тени кроются какие-то штуки. Не плоды взволнованного ума, а в буквальном смысле Штуки, и в буквальном смысле скрывающиеся в тени. Заговоры таятся за каждой витриной, под каждой улицей и в каждом стрекочущем в вышине вертолете. И всему этому сопутствует банальная трагичность жизни. Рождения, смерти, приходы, уходы, предвзятость и бравада в отношениях между нами и всеми, кто нам безразличен. Все есть печаль, как однажды сказал кто-то, кто не особо пытался что-то изменить.

Но когда говорил Сесил, об этом можно было забыть хотя бы на время. Забыть о заботах. Забыть о вопросах. Забыть о том, что можно забыть.

Однако листок бумаги не позволил Джеки забыть о нем. Она разжала кулачок и смотрела, как он падает на пол. Листок лежал на полу, а она продолжала смотреть.

– Дыц-дыц-дыц, – произнесла чистая оборотная сторона листка, но не буквально, а словно в речевой выноске комикса.

Джеки продолжала смотреть, бумага лежала на том же месте, но когда она моргнула, листок снова вернулся в руку.

«КИНГ-СИТИ», – сообщали буквы на нем.

– Это ни о чем мне не говорит, – сказала Джеки, не обращая ни к кому в особенности – ни к собакам, ни к Штуке, затаившейся в углу.

Она попыталась позвонить на радиостанцию Сесилу и выяснить, слышал ли он что-нибудь о мужчине в светло-коричневом пиджаке с чемоданом из оленьей кожи в руках. Она не припоминала, чтобы Сесил в эфире говорил о ком-то схожем с этим описанием, но попробовать стоило.

Трубку взял один из стажеров. Он пообещал, что все запишет и передаст, но кто же мог знать наверняка, сумеет ли бедный парень выжить и уцелеть, чтобы все передать?

– Хорошо, хорошо, – закончила Джеки. – Эй, послушайте, по-моему, у «Арби» набирают людей. Не думали об этом? У них уровень смертности гораздо ниже, чем в целом по району.

Но парень уже повесил трубку. Ну ладно, это не ее забота – переживать из-за какого-то авантюриста, решившегося стажироваться на городском радио.

Ломбард прочно и надежно закрылся. Теперь, если бы она еще чуть-чуть подождала, вполне можно было достать спальный мешок и заночевать. Ну уж нет. Она вышла на стоянку – конечно же, нервничая.

В конце стоянки пристроился черный седан с тонированными стеклами, которые были опущены так, что Джеки смогла разглядеть, как за ней пристально наблюдают два агента в темных очках из неизвестного, но грозного правительственного учреждения. Один из них держал в руках камеру, которая все время срабатывала: казалось, агент не знал, как отключить вспышку. Падавший на тонированные стекла свет делал снимки бесполезными, агент чертыхался, повторял попытки, и вспышка снова сработала. Джеки, как всегда, помахала им рукой, пожелав спокойной ночи.

Может, отогнать «мерседес» домой? Поехать с откинутым верхом и посмотреть, как она сможет разогнаться, прежде чем ее остановит Тайная полиция шерифа? Но она, конечно же, этого не сделает.

Джеки прошла к своей машине – синей двухдверной «мазде» с двойными красными полосами, которые, скорее всего, смыли незадолго до того, как машина попала к ней.

– Кинг-Сити, – сказала она. Листок в ее руке согласился.

Она совершила ошибку, приняв то, что предложил ей мужчина в светло-коричневом пиджаке. Джеки не знала, что это такое, что все это значило, какую информацию бумага пыталась передать и кому. Однако она знала, что этот листок что-то изменил. Мир начинал просачиваться в ее жизнь. И ей надо было вытолкнуть его назад, начав с этого листка бумаги и с мужчины в светло-коричневом пиджаке.

Джеки озвучила свои намерения, как должны были делать все граждане Найт-Вэйла.

– Я найду мужчину в светло-коричневом пиджаке и заставлю его забрать этот листок назад, – объявила она. – Если я смогу это сделать без необходимости узнать что-то о нем или о том, что означает эта надпись, это будет просто идеально.

Сидевшие в машине агенты, прижав указательные пальцы к наушникам, старательно все записали.

Светящиеся пузыри в пустыне повисли над самой землей. Эхо толпы – недовольной, а потом веселой. На мгновение появилось высокое здание, все из стекла, углов и деловитости, внутри него явно не было ничего, кроме песка. Потом оно исчезло, и возникли огни – блуждающие, закручивающие воздух вокруг себя. И эхо толпы. И они.

Джеки включила заднюю передачу и вывела машину на шоссе. Выбросив листок бумаги в окно, она с довольным видом смотрела, как тот кувыркнулся и исчез в сгуставшейся позadi ночи. А потом, щелкнув пальцами, она поймала листок, и он оказался там, где был до этого.

Голос Найт-Вэйла

СЕСИЛ: Здравствуйте, дорогие слушатели. Это Сесил, ваш голос из тьмы, тихо шепчущий в ночной пустоте, говорящий с вами из кабинки городской радиостанции Найт-Вэйла. Я здесь, чтобы сообщить вам новости о жизни города, которые вам положено знать, и скрыть от вас все, что знать запрещено или опасно.

Итак, новости. Над нашим городом, Найт-Вэйлом, появились огни. Сейчас я говорю не о звездах. Никто не знает, что такое звезды и что у них на уме, но их расположение осталось почти неизменным, и они не выказали никаких дурных намерений, насколько это известно всем здешним обитателям. Астрономы все еще пытаются объяснить, что звезды – это далекие

солнца в далеких галактиках, но, конечно же, надо воспринимать все сказанное астрономами с долей сомнения.

Однако эти новые огни – вовсе не звезды. Они представляют собой низко висящие пузыри света, появляющиеся и исчезающие. Это не те огоньки, что иногда висают на высоте нескольких десятков метров над «Арби». Те огоньки – совсем другие. Их мы понимаем. А вот новые огни вселяют беспокойство.

По сообщениям очевидцев, они меняют свой цвет, когда о них говорят. Если кто-то скажет что-то вроде: «Ой, посмотри-ка на эти оранжевые огни», а потом укажет на них, огни вдруг станут желтыми. И если кто-то ответит: «Нет, они желтые», – огни снова сделаются оранжевыми. И так далее.

Это одно из свидетельств очевидцев, Криса Брейди и Стюарта Робинсона, живущих в старой части Найт-Вэйла. Крис заметил: «Как тебе кажется, они ведь желтые, правда?» Тогда огни снова сделались желтыми, а Стюарт заявил: «Почему тебе всегда так важно быть правым, Кристофер?», после чего пустился наутек, а за ним последовал пристыженный Крис.

Пока огни кажутся безвредными, если только вы не находитесь прямо под ними. В этом случае они становятся прямо противоположны «безвредному», что бы это понятие для вас ни значило.

Вчера вечером на пресс-конференции Городской совет напомнил всем, что Собачий парк предназначен для наших городских нужд и увеселения, поэтому очень важно, чтобы никто туда не входил, не смотрел и не думал о Собачьем парке. Городской совет устанавливает дополнительную высокотехнологичную систему видеонаблюдения, чтобы постоянно следить за огромными черными стенами Собачьего парка. И если кого-то поймают при попытке туда войти, их заставят войти туда силой, после чего от них не последует никаких известий. Если вы в Собачьем парке увидите фигуры в капюшонах – вы ничего не видели. Фигуры в капюшонах совершенно безопасны, и к ним не нужно приближаться ни при каких обстоятельствах. Городской совет закончил пресс-конференцию поеданием сырой картошки мелкими укусами своих острых зубов и шершавых языков. Не последовало никаких дополнительных вопросов, хотя наличествовали некоторые дополнительные выкрикивания.

Мы также получили сведения по зашифрованным радиоимпульсам об открытии нового магазина – «Грошовой лавки Ленни» по продаже садового инвентаря и запчастей, которая до недавних пор представляла собой заброшенный склад, использовавшийся правительством для строго засекреченных и абсолютно тайных опытов, о которых я вам рассказывал на прошлой неделе. Лавка Ленни станет новым хорошим подспорьем для всех, кому нужны материалы для ландшафтного дизайна и обустройства лужаек, а также для правительства: туда можно будет сдавать старые машины, продукты неудачных опытов и опасные вещества, которые в противном случае пришлось бы подвергать «безопасной переработке» или «захоронению в бетонном саркофаге, пока не погаснет солнце».

Спешите к Ленни на большую премьерную распродажу! Найдите восемь правительственных секретов и получите бесплатно похищение человека и трансформацию личности, чтобы забыть о том, что вы их нашли!

А теперь настало время странички детского веселого науковедения.

Вот что мы знаем о разуме и разумности. Песок разумен. Пустыня разумна. Небо неразумно. Растения местами разумны. Собаки наиболее разумны. Мы неразумны. Планета в целом разумна. Части, составляющие это целое, неразумны. Дыры разумны. Мы неразумны. Подарочные карты разумны до истечения срока их действия. Государства, где закон запрещает подарочным картам достигать истечения срока действия, создали бессмертный разум. Деньги неразумны. Понятие частной собственности разумно. Песок разумен. Пустыня разумна. Мы неразумны.

Это была страничка детского веселого науковедения.

Дорогие слушатели, ваши личности и личные данные в безопасности? Сегодня, когда в базах данных хранится столько информации, нельзя с уверенностью утверждать, что наши личности принадлежат только нам. Не счесть аферистов, пытающихся похитить номера ваших кредитных карточек, номера полисов социального страхования, городские регистрационные номера, резидентные номера и так далее.

Не проходит недели, чтобы мы не слышали о взломе какой-то базы данных, брошенной, как сырое яйцо на гранитный парапет, откуда во все стороны растекаются персональные данные на радость жуликам, поглощающим их, подобно собаке, обожающей сырые яйца и которой позволили взгромоздиться на кухонный стол.

Найт-Вэйл, вот некоторые рекомендации для защиты личных данных. Почаще меняйте пароли на компьютерах. Большинство из нас не имеет возможности законно пользоваться компьютером, но все же меняйте пароли на тот случай, если вам когда-нибудь вдруг разрешат пользоваться компьютером. А также надевайте маску, когда выходите на улицу, и замазывайте номер вашего дома краской из баллончика.

И, наконец, большинство краж персональных данных происходят из-за неправильного администрирования баз данных. Что посоветую? Никогда не попадайте в базы данных.

Это были новости технологий.

После небольшого перерыва вас ждут эксклюзивные клипы из моего недавнего трехчасового интервью с самим собой, в котором я расспрашивал самого себя о своих мотивациях, о своем месте в жизни, о том, почему я не занимаю в этой жизни другое место, кто в этом виноват и почему я когда-то сморозил эту глупость.

Глава 4

Диана довольно долго не видела в офисе Эвана и Дон. На самом деле – несколько дней.

Диана редко говорила с Эваном, но иногда разговаривала с Дон. Друзьями они не были, просто поддерживали хорошие отношения. Дон работала в отделе маркетинга. Диана тоже там числилась, но лишь вела базу данных.

База данных представляла собой список имен. Она также включала список персональных данных, связанных с именами. Было забавно брать какую-нибудь жизнь и сжимать ее до единственного числового идентификатора и набора таблиц. Ведь база данных хоть и была безличной и упрощенной, но в сочетании с десятками тысяч других числовых идентификаторов и сотнями тысяч таблиц могла многое рассказать о том, как ведут себя люди.

Иногда, когда на работе у нее выдавалось немного свободного времени – а это случалось весьма часто, – Диана искала в базе данных информацию о людях. Она собирала фотографии, рассказы или видео и переносила эти данные в их файлы. Это никому особо не помогало, однако представляло собой неплохой способ узнать людей. Из-за работы и необходимости воспитывать Джоша у Дианы оставалось не так уж много времени, чтобы заводить новых друзей или ходить на свидания.

Когда отделу маркетинга требовались данные из базы Дианы, в рассылках могли использовать чрезвычайно личную информацию – не только с целью подогнать рекламу под конкретного человека, но и дать ему понять: «мы так вас ценим, что разыскали все, что смогли, о вашей реальной жизни». Зачастую покупатели были так этим польщены, что присылали благодарственные письма с вопросами вроде: «Откуда вы все это узнали?», «Кто вы такие?» или: «Я никогда и никому об этом не говорил, а вы откуда это знаете?».

Катарина, начальница Дианы, читала эти письма и иногда демонстрировала ей, как все счастливы получать рассылки и каким ценным активом Диана была для их компании. Иногда Диане хотелось спросить, что же именно продает их компания, однако она знала, что ей не следует задавать подобные вопросы.

Большинство людей в Найт-Вэйле знает, что существует запретная или недоступная информация и что это применимо почти к любой информации. Большинство людей в Найт-Вэйле довольствуется наспех сколоченными рамками из лжи, предположений и теорий заговора. Диана относилась к этому большинству. К нему относится большинство людей.

Ее рабочий стол располагался не в одной из маленьких кабинок, как у остальных сотрудников, а стоял в конце коридора рядом с серверной. В их офисе консультант по информационным технологиям работал дистанционно, так что Диана сидела в одиночестве среди неустанныго жужжания серверов.

Это было замечательно, поскольку Диана могла выполнять личную работу и совершать личные звонки, когда ей заблагорассудится. Необходимость в этом возникала редко, но, конечно же, приятно ощущать свободу делать что угодно и когда угодно, особенно если ты не из тех, кто злоупотребляет такой свободой.

Диана была не из тех, кто злоупотреблял. Но поскольку ее стол стоял вдалеке от остальных, ей часто казалось, что она выпадает из общей обоймы. Разумеется, ее приглашали поучаствовать в обычных офисных делах: сдать символическую сумму на какое-нибудь важное мероприятие (Суперкубок, Абсурд-кубок, танцы с кинжалами, турнир поэтов и прочее), съесть кусок торта в честь чьего-то дня рождения или поучаствовать в «отвальной» вечеринке, на которой увольнявшиеся сотрудники изо всех сил бьют по чучелам начальников, наполненным пчелами.

Однако она не участвовала в обычной офисной болтовне. Не обсуждала каждое утро злободневные новости. Не была на дружеской ноге со своими коллегами. Она знала, что у

Мартеллия в прошлом году родился ребенок. Знала, что Тина любит вышивать крестиком молитвы на давно забытых языках. Знала, что Рикардо не верит птицам. Однако ее общение с ними ограничивалось пределами офиса.

За все эти годы она могла бы подняться из-за стола и войти в круг своих коллег, но не сделала этого. Она не стеснялась, но проявляла какую-то леность в общении. Не искала знакомств, не являвшихся частью ее обыденной жизни. А может, и стеснялась. Как человеку узнать, стесняется ли он, если у него нет времени на встречи с новыми людьми?

Ее часто охватывало беспокойство, что без второго родителя, который мог бы подать пример иного рода, Джош унаследует только ее стеснительность. И у него, похоже, появились трудности в обретении друзей и общении с ними. Однако будет куда лучше, полагала Диана, если он унаследует ее неловкость, чем унаследует хоть что-то от своего отца.

Она нашла эту работу шесть лет назад, потому что на прежней, за прилавком пиццерии «Большой Рико», платили слишком мало, чтобы одной растить Джоша. Диану взяли в компанию, потому что им нужен был кто-то, разбиравшийся в базах данных. Она в них не разбиралась, но быстро соображала, поэтому соврала, чтобы получить эту работу.

Рынок труда в Найт-Вэйле очень переменчив, особенно когда таинственные фигуры в капюшонах уже исполняют множество обязанностей (служащих парковок, картографов, наблюдателей за собаками), которые в других городах выполняются людьми за деньги. Как и большинство граждан Найт-Вэйла, Диану подобная ситуация расстраивала, но вместе с тем ее охватывал неописуемый ужас, не дававший ей высказать свое беспокойство.

В первые несколько недель на новой работе ей приходилось брать работу домой и учиться разбираться в базах данных. Это было нелегко, потому что она еще не получила лицензию на использование домашнего компьютера, да к тому же это отвлекало ее внимание от Джоша. Джош пытался поговорить с ней в те первые рабочие дни, например о концерте, на который ему хотелось пойти, а она отвечала, что занята и ей некогда. Работа была ей нужна больше, чем расположение Джоша.

Потом она начала разбираться в базах данных и стала тем специалистом, каким представилась, поэтому могла справляться с работой в рабочее время.

Когда ее спрашивали, что она делает «по жизни», Диана отвечала: «Работаю в офисе. А вы чем занимаетесь?» А потом начинала рассказывать о жизни или же говорить о Джоше. Воспитание Джоша – вот чем она занималась «по жизни», а служба в офисе просто позволяла ей это делать.

На работе Диана и Эван почти не общались. Она видела его много раз. На празднованиях дней рождения и на «отвальных» вечеринках они обменивались репликами вроде «Прекрасный торт, правда?» или «Шампанское на работе! Какая прелесть!», или «Сегодня утром небо особенно прозрачное и бескрайнее». Обычная болтовня. Она даже не сразу заметила, что Эвана нет в офисе. И Дон тоже. Однако шли дни, и их отсутствие стало главной темой ежедневных разговоров. Кто-то решил, что они вместе куда-то сбежали. Диана не чувствовала достаточной близости с коллегами, чтобы пристыдить их за сплетни.

Кто-то предположил, что Эван ушел из семьи, что у него есть какая-то другая, тайная жизнь. Кто-то – что у него просто накопилась масса личных проблем. Кто-то думал, что он умер и его тело просто еще не нашли.

Катарина, начальница подразделения, созвала собрание, чтобы обсудить отсутствие парочки. Это было разумно, поскольку работу надо выполнять. Кто-то предложил поехать к ним домой и проверить, как они там. Катарина сказала, что так и надо сделать.

Диана почти никогда не думала об Эване. Но в одно утро ей пришлось много о нем размышлять. Эван тоже о ней думал.

В то утро Диана подняла взгляд – Эван стоял в нескольких метрах от ее стола. На нем был светло-коричневый пиджак, туфли чуть светлее, чем коричневый ремень. Он недавно под-

стригся, лицо у него было гладким и чистым. Эван молча улыбался. Но не как коллега или друг. Он улыбался, как турист на фотографии у какой-то достопримечательности.

У него были белые зубы. Или почти белые. Один из них, левый верхний клык, выступал вперед чуть больше остальных. Зубы у него были хоть и не белые, но ровные.

Он смотрел в сторону Дианы. Не на Диану, а куда-то рядом с ней. Она могла разглядеть его зрачки. Не расширенные. Точки. Он смотрел в сторону Дианы, но его взгляд, казалось, замер где-то чуть впереди нее. Он улыбался.

Диана пожелала ему доброго утра. Эван слегка повернул голову.

– Хорошо вновь оказаться на работе, – сказал он.

– Где Дон? – спросила Диана, сделав ударение на имени.

– Где Дон? – переспросил Эван, подчеркнув наречие. Зубы у него были грязные и кривые.

– Все нормально, Эван? – поинтересовалась Диана.

Эван перестал улыбаться и выставил вперед левую ногу, не перенося на нее вес.

У Дианы зазвонил телефон.

Эван вытянул вперед левую руку. Взгляд его оставался где-то чуть впереди Дианы.

У Дианы звонил телефон.

Эван вытянул пальцы и согнул правое колено, все еще не перенося веса на левую ногу.

У Дианы звонил телефон.

В руке у Эвана был листок бумаги. Над верхней губой у него выступила капелька пота. На Диану он не смотрел.

У Дианы звонил телефон.

Между звонками Диана слышала натужное дыхание Эвана. Все его тело вибрировало от мышечного напряжения. Эван положил листок бумаги на стол. На нем было что-то написано.

У Дианы звонил телефон. Прервав резкую трель, она схватила трубку и рявкнула:

– Диана Крейтон!

– Привет, Диана. Это я, Эван, – проскрипел ей в ухо металлический голос.

– Эван?

Эван продолжал улыбаться, ничего не говоря. Он выпустил листок из пальцев.

– Я не смогу сегодня выйти на работу, Диана, – раздался в телефоне голос Эвана. – Ты можешь передать Катарине, что я сегодня не приду?

– Эван... – повторила Диана.

Эван встал, сделал глубокий вдох через нос и выдохнул через рот.

– Я не могу сегодня выйти на работу, Диана. Ты меня понимаешь? – спросил голос в трубке.

– Да, кажется.

Эван снова улыбнулся. Посмотрел на Диану. Она увидела на своем столе листок бумаги, но не могла разобрать, что там написано.

– Меня хорошо слышно, Диана?

– Эван, я не знаю. Ты где? Где ты сейчас находишься?

– Я сегодня не смогу прийти.

Диана уставилась на лежащий на столе листок. Эван, улыбаясь, взглянул в ее сторону, потом повернулся и, скорее всего, все еще улыбаясь, быстро отошел от ее стола, завернул за угол и пошел по коридору, пропав из виду.

– Эван. Алло?

– Передай Катарине.

В телефоне раздался щелчок. Диана повесила трубку и поискала взглядом лежавший на столе листок бумаги. Его там не было.

Она побежала к кабинету Катарины. По пути ей встретилась Дон.

– Привет, Дон. Ты где была?

– Салют, Диана. Приболела, пару дней просидела дома. Сейчас мне уже получше.

– Хорошо. Нам тебя не хватало. Слушай, ты сегодня утром не видела Эвана?

– Кого?

– Эвана.

– А кто такой Эван?

– Эван Макинтайр. Работает в отделе продаж. Сидит в кабинке вон там. – Диана повернулась и показала в сторону кабинки Эвана. Но вместо кабинки там оказался папоротник и пустой стул под фотографией облака в рамке. Она была не уверена, что это за облако.

– Не припомню, чтобы какой-то Эван вообще здесь работал, – ответила Дон.

Диана посмотрела в сторону облака. Не на него, а где-то перед ним. Дон улыбнулась. У нее были белые зубы.

– Все нормально?

Облако ничего не сказало.

Глава 5

Джеки заказала кофе. В конечном итоге кофе ей дали. Эти моменты соотносились между собой.

В закусочной «Лунный свет всю ночь» оказалось полно народу, как всегда по утрам. В городе было немного мест, где человек мог спокойно позавтракать в обществе большого числа людей, также спокойно завтракающих. Нет ничего более навевающего чувство одиночества, чем спокойно делать что-то наедине с собой, и ничего более приятного, чем спокойно делать то же самое параллельно с братьями по разуму, занятыми тем же самым, когда все в одиночку сидят рядом друг с другом.

В правой руке Джеки держала кофе, поданный в кружке с надписью:

Наблюдатели за сорняками братья Джоунс Ко.

«Мы следим за вашими сорняками на предмет подозрительного поведения!»

Круглосуточный аудио- и видеомониторинг

Это была часть очаровательного фирменного стиля «Лунного света». Здесь использовались кружки, собранные где угодно. Иногда следы этого «где угодно» оставляли на кружках непонятные пятна или жужжащие звуки. Это также было частью фирменного стиля.

Джеки левой рукой сжимала лист бумаги, продолжая делать это со вчерашнего вечера. Чуть раньше она попыталась сжечь бумагу, но та возродилась из пепла. Она поместила листок в небольшую шкатулку, заперла ее – листок выбрался оттуда.

Джеки попыталась смыть его под душем, который зачастую решал ее проблемы. Она оставалась наедине с мыслями, и они, казалось, исходили откуда-то извне. Мыслями, ставящими под вопрос ее решения, или вносящими предложения, или просто туманно рассуждающими о жизни таким образом, что они, скорее всего, не были ее собственными.

Когда Джеки поставила бумагу под лившуюся из душа воду, та намочила и растворилась, упав в ручеек, струившийся в сторону стока, но потом снова оказалась у нее в руке. Джеки вновь и вновь уничтожала листок, а тот вновь и вновь возвращался к ней.

– Наконец-то у меня есть спутник, на которого можно положиться, – сказала она, обращаясь к душевой лейке, и тут ей в голову пришла мысль, едва облекаемая в слова, скорее обобщенный образ того, как часто нас окружают вещи, на которые можно положиться и как мало мы о них думаем. Она вышла из душа такой же, как большинство людей, – чистой и немного одинокой.

Сидя в закусочной и мало на что надеясь, Джеки скатала листок в шарик и засунула его в блюдо с овсянкой вместе с традиционными ягодами голубики, кубиками соли и лишенным вирусов лососем. Она с жадностью проглотила овсянку, словно не ела несколько дней, хотя, возможно, так и было. Но она не знала этого наверняка, поскольку вряд ли могла сосредоточиться на чем-то кроме бумаги. Левая рука Джеки дернулась, и она все поняла, даже не взглянув на нее.

– Черт побери! – выругалась она, ткнула в листок ножом для масла, после чего несколько раз повторила «Черт побери!» все более слабеющим голосом.

«КИНГ-СИТИ», – было написано на бумаге.

– Да знаю я, знаю, – пробормотала она.

Никто из сидевших вокруг ничего не заметил. Все знали, что молодые люди часто кричат, тыча ножом в стол.

Мужчина слева от нее ковырял щербатый прилавок и что-то шептал. Соломенная шляпа держалась у него на самой макушке, так что его лицо казалось длиннее, чем на самом деле.

Справа сидела женщина, поставившая свой стул так, чтобы видеть вход в закусную, и ставившая у себя в планшете галочку каждый раз, когда кто-то входил. В общем и целом никому не было дела до молодой девушки, кричавшей и чем-то тыкавшей себе в руку.

Утренний кофе в «Лунном свете» являлся частью ее обыденной жизни. Примерно через пять минут она ставила пустую кружку на стол, шепотом просила бокал для воды принести счет, затем вытаскивала его из-под подноса с пакетиками сахара, где он внезапно появлялся, засовывала вместе с деньгами обратно под сахар, дожидалась глотавшего звука, возвещавшего, что счет оплачен, и выходила из заведения. Обычная для закусной канитель.

Потом Джеки ехала в ломбард, откапывала спрятанные накануне двери и ставила их с открытыми замками у парадной стены как раз ко времени открытия, наступавшего в момент, когда предчувствие сообщало ей, что пора открывать заведение. Она просиживала там целый день, делая то, что делала обычно, и не более того, после чего заканчивала эту работу и отправлялась домой. Больше ничего особенного в ее жизни не происходило. Человеческая жизнь – лишь то, что ты делаешь.

Но в это утро она не попросила счет. Она не расплачивалась и не уходила, продолжая смотреть на зажатый в руке листок бумаги и зная, что сегодня не станет делать то, что делала изо дня в день. Это знание пришло в виде боли в желудке и дрожания шеи. Оно имело физическое воплощение, как любое сильное осознание, и куда больше относилось к ломоте в костях, нежели к представлениям у нее в голове.

Бумага нарушила обыденный ход вещей, а этот ход вещей и был ее жизнью. Без него она была лишь не старившимся тинейджером, не имевшим друзей. Она чувствовала себя беспомощной перед силой и властью листка бумаги, хоть и не понимала, в чем заключаются эти сила и власть.

– Ладно! – крикнула она бумаге.

– О'кей! – крикнул мужчина в соседней кабинке пятну на своем галстуке.

На кухне другой мужчина, в цветастом фартуке и сеточке для волос, кивнул раковине с мывшейся в ней посудой.

– Согласен, – сказал он.

В Найт-Вэйле люди часто соглашались с неодушевленными предметами.

Джеки обмякла на потрескавшемся красном табурете, пахнувшем резиной и опилками. Ей был нужен план. Она повернулась к сидевшему слева мужчине.

– Мне нужен план, – произнесла она.

– Что такое? – Он поднял на нее взгляд. У него был высокий лоб без морщин, лицо покрывал толстый слой грима.

– План, придурок! Мне нужно вернуть жизнь в прежнее русло. – Подкрепляя свои слова, она яростно помахала листком.

– Ага. Ладно, девочка. – Он снова перевел взгляд на прилавок, который сосредоточенно рассматривал.

– Мне нужен мужчина в светло-коричневом пиджаке.

Глаза сидевшего рядом с ней мужчины сузились. Предположительно у него было два глаза.

– Как вы сказали? – спросил он.

– Мне нужно найти кого-то еще, кто его видел. В нашем городе должен быть кто-то, кто с ним говорил и кто может мне о нем рассказать.

Он уставился на нее, очевидно, нормальным количеством глаз.

– Мне надо начать разговаривать с людьми. По всему городу. Попытаться найти кого-то, кто его знает. Внимательно выслушать, что о нем говорят и не говорят.

– Вы упомянули мужчину в светло-коричневом пиджаке? – спросил он.

– Не важно, – ответила Джеки, отворачиваясь и заново ставя стену между собой и другими посетителями, евшими за стойкой закусочной, или «восьмую стену», как ее называют в театральном мире.

Решив составить список всех, кто может что-то знать об этом загадочном человеке, Джеки достала ручку, которой выписывала квитанции у себя в ломбарде. Это была сувенирная ручка, оставшаяся у нее после фестиваля, который проводился в городе несколько лет назад.

Шекспировский фестиваль на арене Найт-Вэйла.

Проникнись словами певца —

гласила надпись. Трещина на корпусе больно впивалась в пальцы, но она обожала эту ручку.

Джеки обшарила карманы в поисках чего-то, на чем смогла бы писать, но ничего не нашла. Бланки квитанций хранились в ломбарде, но в любом случае они предназначались для выписки квитанций. Вот так все делается. Хотя в тот момент ничего не делалось. Существование Джеки основывалось на том, что все изо дня в день оставалось прежним, а листок бумаги назойливо вторгался в ее бытие. С зажатой в руке таинственной запиской было невозможно погрузиться в блаженную обыденность.

В закусочной не было ни меню, ни бумажных подставок, и тут Джеки поглядела на свою левую руку с зажатой в ней бумагой. Ну конечно. Она положила бумагу на стойку и написала слово «СПИСОК» наверху ее оборотной чистой стороны. По крайней мере, она намеревалась написать слово «СПИСОК». Вместо этого у нее вышло «КИНГ-СИТИ».

– Нет, – сказала она своей руке. Зачеркнула написанное и заново вывела: «СПИСОК».

Вот только это очень смахивало на «КИНГ-СИТИ».

– Нет, – повторила Джеки.

Это было для нее неприемлемо. И это тоже. Может, все дело в поверхности? Она сдвинула бумагу в сторону (откуда та моментально запрыгнула в ее левую руку, причем следы от ручки уже успели исчезнуть) и написала прямо на стойке.

– Эй! – крикнула проходившая мимо официантка Лаура. – Мне потом все это отмывать.

От тела Лауры отходило множество увешанных плодами веток.

«ПРОВЕРКА», – написала Джеки на стойке. И снова у нее получилось «КИНГ-СИТИ». Она взвизгнула от досады. Мужчина с высоким лбом и женщина с планшетом смерили ее злыми взглядами. Тинейджеры обычно не пишут, когда визжат, озабоченно подумали они.

– Тсс, – раздался голос из-под шляпы мужчины.

Даже если бы Джеки и отправилась в ломбард, то не смогла бы выписывать квитанции посетителям или рисовать ценники «\$11». Она чувствовала себя окончательно побежденной и от этого сделалась злой и дерзкой. Чем она все это заслужила? Она ударила по стойке и отдернула отозвавшийся болью кулачок.

У Джеки зазвонил телефон. Она вытащила его, а сидевшая рядом женщина вставила в ухо наушник, чтобы слышать разговор.

– Аллю, мам?

– Аллю, дорогая! – Ее мать не совсем осознавала, что телефоны сокращают расстояния между людьми, а потому кричать совсем не обязательно.

– Извини, мам. У меня сейчас много работы. – Женщина с планшетом, прижав рукой наушник, недоуменно приподняла бровь, но Джеки раздраженно отмахнулась: – Ты что-то хотела?

– Я что, не могу просто так позвонить ребенку? Обязательно нужно что-то хотеть?

– Конечно, можешь, мам, я не это...

– Но когда ты об этом сказала...

– Видите? – одними губами прошептала Джеки женщине с планшетом. Та пожала плечами. – Что случилось, мам?

– Мне надо с тобой поговорить.

– Я рада, что мы можем поговорить. Что-нибудь еще? – Джеки снова написала на стойке «КИНГ-СИТИ» и скривилась от досады.

– Нет, мне надо поговорить с тобой лично. Это важно. Я должна тебе кое-что сказать. Это о... Ну, тебе лучше приехать, и тогда мы поговорим.

У Джеки защипало глаза. Она не была уверена, что это аллергическая реакция, и не помнила, случилось ли это с ней раньше. Она коснулась уголка глаза. Там была влага. Вода сочилась у нее из глаз и стекала по щекам, и она знала, что плачет, но сомневалась, плакала ли раньше. Она выдохнула весь воздух, не напрягая губы, чтобы что-то этим воздухом передать. Недостаток общения говорил очень о многом.

– Джеки, ты где?

– Да здесь я, здесь. Мам, я когда-нибудь?.. То есть ты помнишь, чтобы я когда-нибудь?.. – Она подняла взгляд и замерла, на самом деле не прекращая движения. Она замерла внутри.

На нее пристально смотрел один из поваров. Он переворачивал гамбургеры (кто заказывает гамбургеры в такую рань?), но не сводил с нее глаз, так что гамбургеры падали на пол, в раковину или на край жаровни в зависимости от того, куда поворачивалась его лопатка. У него была такая широкая и теплая улыбка, что Джеки стало не по себе.

– Джеки, приезжай. Похоже, самое время тебе сказать.

– Ладно, мам, ладно. Приеду. Только сначала мне надо кое-что сделать. – Она выключила телефон, и мама исчезла.

Надо с чего-то начинать. Старуха Джози обмолвилась, что ее хотели видеть ангелы, и хотя никто не мог на законных основаниях признать их существование, они обычно знали больше, чем более законопослушные существа.

За неимением другого можно было начать с них. Джеки встала, собравшись уходить, и быстро взглянула в сторону кухни.

Повар все так же смотрел на нее, гамбургер повис в воздухе. Она отвела взгляд прежде, чем тот упал, и поэтому для нее он остался висеть в воздухе, так и не упавший, так и не съеденный, а лишь вращавшийся и падавший, вращавшийся и падавший.

Глава 6

В кабинете Катарины размещались два комнатных растения, три стула, два стола, один сундук, шесть личных фотографий в прямых рамках, один стандартный мотивационный плакат на стене, где две вороны раздирали внутренности довольно крупной лесной кошки с убогим вдохновляющим призывом «Ты должен всегда смотреть на солнце» и одно глиняное пресс-папье, скорее всего, вылепленное дочерью Катарины (на нем красовалась надпись

От твоего потомка,

сделанная трогательным детским почерком).

Диана сидела на одном из стульев без колес. Два других стула пустовали. Компьютер тихо жужжал и светился. На экране то появлялись, то исчезали вспышки из цветных точек. Где-то в офисных кабинках звонил телефон. Где-то в офисных кабинках отвечали на звонок.

Между клавиатурой и мышью втиснулся тарантул, словно играл в популярную у тарантулов игру, где можно двигать только одной лапой за ход. Тарантулы – простые существа, подумал дом Дианы, но в нем никого не было, чтобы услышать эту мысль. Джош был в школе и не думал о тарантулах. Диана сидела в офисе, стараясь не думать о Джоше.

Распахнулась дверь, и Катарина сказала:

– Извини, что заставила тебя ждать. – Она произнесла эти слова таким тоном, словно говорила: «Извини, я не знала, что у тебя умер домашний питомец».

Катарина или глубоко сопереживала, или же виртуозно лицемерила. Все зависело от того, какой начальник тебе нужен. В этом смысле Катарина была хорошей начальницей.

Она села на стул с колесами, стоявший между двух столов, сдвинула бумаги и пресс-папье с центральной части стола, образовав на дубовой столешнице между собой и Дианой небольшой свободный треугольник.

– Как Джош? – спросила Катарина.

– Джош? – Диана не ожидала разговора на нерабочие темы. Она и не думала, что Катарина помнит, как зовут ее сына. Она всегда поддерживала с начальницей хорошие отношения, но за все время ее работы в компании они разговаривали лишь раз или два. Катарина всегда казалась доброй и отзывчивой, но в то же время напряженной и отстраненной.

– Джош, так ведь? Твой сын? Как он? До сих пор постоянно принимает разные облики?

– А, с ним все в порядке. В полном.

– Очень расплывчато, однако не стану настаивать, если ты не хочешь смешивать дом и работу, – сказала Катарина, не двигая ни шеей, ни глазами. – Я интересуюсь Джошем на законных основаниях. Я видела его пару лет назад, когда мы встретились в «Ральфсе». Ты рассматривала пакеты с крупами, а у Джоша в тот день были – да, помню – такие длинные пальцы и уши, большие темные глаза и прелестные черные крылья. Он был милым мальчиком.

– Да. Он остался милым мальчиком.

– А я покупала чистящее средство для металла и упаковку из тридцати двух термометров для мяса. Я хорошо помню тот день.

Катарина нахмурилась, и ее глаза на мгновение погрузнели, прежде чем она снова смогла придать лицу нейтральное выражение.

– Как у него дела в школе? Ему, наверное, уже пятнадцать. Он уже с кем-нибудь встречается?

– По-моему, он начинает проявлять интерес.

– Не надо отвечать, если не хочешь. – Катарина подняла руку со сжатыми пальцами, повернув ее ладонью к Диане.

Диана оценила этот властный, но доброжелательный жест, а потом посмотрела на руку Катарины. Тарантул, который чуть раньше сидел рядом с компьютером, перебрался к Катарине на плечо. Одну лапу он задрал вверх, указывая на Диану. Вполне возможно, паук все еще медленно шагал, однако Диана надеялась, что вместо этого он имитировал движения хозяйки. Представив себе все это, Диана слабо улыбнулась. Катарина машинально улыбнулась в ответ.

Катарина понятия не имела, что на ней сидит тарантул. На самом деле она до смерти боялась пауков. Она даже не могла смотреть на их фотографии, чтобы не запаниковать или не упасть в обморок. Диана неправильно оценила ситуацию.

Катарина думала, что налаживает контакт с подчиненной на эмоциональном уровне. Она также неправильно оценила ситуацию.

– Нет, нет, все нормально, – ответила Диана. – Ему пятнадцать. Ты знаешь, как у них все в этом возрасте. Он не очень-то рассказывает о тех, кто ему нравится.

– Наверное, это к лучшему. Неудобно говорить с родителями об увлечениях, сексе и свиданиях. Я помню себя в этом возрасте. Я помню себя почти в каждом возрасте.

Тарантул развернулся и пополз вниз по плечу Катарины. Диана подумала, что неплохо бы завести в офисе какую-нибудь живность. Вроде золотых рыбок. Сможет ли она держать золотых рыбок у своего стола? Они очень шумят, и их надо каждую неделю кормить мышами, подумала Диана. Наверное, нет.

– Скажи, чем я могу помочь, Диана, – произнесла Катарина.

– Я хотела поговорить с тобой об Эване. О том, что произошло на прошлой неделе, когда Эван и Дон отсутствовали.

– Верно. Ты настаивала, что здесь работает некто по имени Эван. – Катарина чуть наклонила голову.

– Ну, о непонятной ситуации вокруг Эвана. – Катарина никак не прореагировала. – Это была... – Диана оценила разницу между признанием вины за действие и протестом против этого действия. С одной стороны, она могла защитить свое положение на работе и репутацию. С другой – могла действовать, основываясь на том, что воспринимала как реальность то, что у них в офисе работал человек по имени Эван.

По этому вопросу она вступала в споры с коллегами в отделе кадров и бухгалтерии. Она хотела, чтобы Катарина помогла разрешить это дело, однако также знала, что ее настойчивость начинала плохо на ней отражаться.

В голове у Дианы пульсировало от того, что было не совсем головной болью. Казалось, у нее изменился голос, или же он принадлежал кому-то другому.

Она также учитывала, что там, где, как ей казалось, стоял стол Эвана, никакого стола не было. Возможно, ее коллеги оказались правы. Она начала убеждать себя в том, что, очевидно, на какой-то момент частично или полностью лишилась рассудка. Что, наверное, ей надо обратиться к врачу. Как и большинство людей в Найт-Вэйле, она смутно себе представляла, чем именно занимаются врачи, но ходили слухи, что их тайные занятия приносили доход.

За время недолгого перерыва в разговоре в голове у Дианы пронеслось множество мыслей. Тарантул не успел даже сделать шаг.

– ...Ошибка, – продолжала Диана после паузы, почти неотличимой от запинки. – Не знаю, почему я подумала, что существовал человек по имени, м-м-м... – На какое-то мгновение она не смогла ничего вспомнить об этом человеке, не говоря уже о его имени. – Эван, – наконец пришла она в себя. – Который здесь работал.

– Понимаю, – произнесла Катарина.

– Но мне интересно, был ли вообще сотрудник с таким или похожим именем? Я угадала? Или, возможно, я его с кем-то путаю? Я просто стараюсь не очень мудрить, понимаешь? – Диана рассмеялась.

Катарина смеяться не стала.

– Навскидку не скажу, нет. Я посмотрю и дам тебе знать. Был, по-моему, какой-то Алан, партнер по продажам.

– Ах да, помню Алана. Нет, это не он.

– Будет трудно помочь, если ты станешь культивировать отрицание, Диана.

Они обе рассмеялись. «Какая милая импровизированная шутка, – подумала Катарина. – Я налаживаю контакты с людьми». «Какого черта», – подумала Диана.

– Серьезно, Диана, я этим займусь. Я рада, что Дон вернулась и что теперь мы в полном составе.

– Да, я... Не знаю, радовалась ли ты, но на меня как-то давило то, что я не знала.

– Не знала?

Тарантул сползал с локтя Катарины, пытаясь попасть на подлокотник.

– Ты созвала собрание, на котором мы обсуждали Дон и Эв... ее отсутствие. Она не появлялась несколько дней, и никто не мог до нее дозвониться. Мы предложили поехать к ней домой и...

– Когда это было? – Тремя точно рассчитанными движениями Катарина развернула стул к компьютеру и подвигала мышкой туда-сюда. Цветные точки и чернота исчезли, и Катарина щелкнула по календарю. Тарантул убрал любопытную лапку.

– Во вторник.

– А время?

– По-моему, утром. Кажется, было утро.

– На то утро у меня в календаре ничего нет. Днем проводилось совещание, но ты на нем не присутствовала. И ничего подобного в дни рядом со вторником. Вот собрание в четверг, но тогда Дон уже вернулась. Дон отсутствовала всего четыре дня, и каждый день звонила, сообщая, что болеет.

Катарина оторвалась от компьютера. Тарантул, все еще сидевший у нее на руке, оторвался вместе с ней.

– Ты говорила с Дон? – спросила она.

– Да. Нет. Толком не говорила.

– Тебе нужно поговорить с Дон.

– Поговорю. Обязательно.

– Диана, тебе к тому же нужно отдохнуть. Мне нужны здоровые сотрудники, радостные сотрудники. Я хочу, чтобы ты всерьез занялась своей мигренью.

Диана никогда не страдала от мигрени и не совсем понимала, о чем говорит Катарина. Ей показалось, что был какой-то другой день, а не тот, о котором она думала, или Катарина не была ее начальницей, а вместо нее сидел кто-то в маске. Все выглядело как-то не так.

– Да. Я всерьез займусь... ею. И поговорю с Дон.

– Прекрасно. – Катарина снова развернула стул к Диане: – И еще, Диана...

Та, вставшая было, чтобы уйти, замерла.

– Спасибо тебе.

– Нет, это тебе спасибо. Спасибо за... за терпение. Я запуталась.

– Не за что. – Катарина снова сомкнула пальцы, четко вписавшиеся в расчищенный треугольник на ее столе.

Тарантул добрался до подлокотника и начал перетаскивать свое бурое туловище на стол. Он подполз к фотографии молодой Катарины с мальчиком.

– Катарина, можно неслужебный вопрос?

– Конечно, Диана.

– Как ее зовут? – спросила Диана, указывая на паука.

– Кого?

– Или его. Извини, я не знаю пола.

– Ах да, конечно. Это мальчик, – ответила Катарина с застывшей улыбкой на губах, протянув руку в сторону тарантула.

Тот замер. Казалось, он смотрел на руку Катаринины. Или, возможно, просто почувствовал движение и онемел.

«Тарантулы – простые существа», – подумала Диана, не зная, откуда взялась эта мысль.

Катарина коснулась края фотографии. Тарантул почесал лапу о ее средний палец. Она почувствовала это, но, не зная причины этого ощущения, не обратила на него внимания, как почти на все, чего она не понимала.

– На фотографии я со своим сыном Кимом.

Диане понадобилась секунда, чтобы связать поток мыслей с реальностью. Но когда до нее дошло, что Катарина говорит о фото с сыном, а не с тарантулом, она все поняла.

– Я все понимаю, – произнесла Диана.

– Что за странный ответ.

– Я хотела сказать, что он прелесть. В том смысле, что на фото вы оба прелесть.

– На этой фотографии мы моложе. Есть фото, где мы старше.

– Все дело во времени, – хохотнула Диана.

– Правда? – подхватила Катарина. – А сколько сейчас? – Катарина убрала руку с рамки фотографии.

Тарантул снова опустил лапу на стол. Диана встала со стула.

– Пойди поговори с Дон.

– Обязательно.

Катарина вновь повернулась к компьютеру, вспомнив, что ей надо писать отчеты. Диана вышла из кабинета Катаринины, вспомнив, что ей нужно поговорить с Дон. Тарантул таранился на потолок, вообще не зная, что это такое.

Голос Найт-Вэйла

СЕСИЛ: ...Что означало многое при немногословности. И то же самое можно сказать касательно остальных планет Солнечной системы. Ни одна из них ничего не прокомментировала.

Наш город снова столкнулся с проблемой тарантулов. Единый департамент образования Найт-Вэйла сообщил, что менее двадцати процентов тарантулов заканчивают среднюю школу. Однако большинство пауков вообще исключены из системы государственного образования, вместо этого предпочитая плести паутину и поедать мелких насекомых.

Тарантулы – простые существа, подумала сегодня Диана Крейтон, казначей Ассоциации родителей, никому не озвучив этого предположения, как следует из данных достоверных и документальных спутников-шпионов, в этот период сканировавших ее мозг.

Мы связались с сообществом тарантулов для получения комментария по поводу частного мнения Дианы, и тотчас же некоторые из его членов заползли на нас. По-моему, они уже ушли, однако я чувствую легкий зуд в спине и боюсь ее осмотреть.

Возможно, у меня развивается мигрень. Надо поговорить об этом с Карлосом.

Дорогие слушатели, сегодня вечером на улицах Найт-Вэйла в большом количестве присутствует Тайная полиция шерифа. Она не ищет убийцу или пропавшего без вести. Не произошло никакой катастрофы или несчастного случая. Просто полицейские в большом количестве бродят по городу. Кто-то из них работает, сидя в патрульных машинах в ожидании мелких нарушений правил дорожного движения или вызовов на дежурство. Кто-то не работает. Они ужинают в городе с семьями или же смотрят с друзьями в спорт-баре решающий матч. Кто-то читает книгу или просматривает пропущенное телешоу. Кто-то задержался на работе в секретном полицейском участке, вероятно, спрятанном в тяжело нависшем неподвижном облаке.

Сегодня вечером полиция в большом количестве присутствует на улицах. Почти все тайные полицейские находятся где-то в Найт-Вэйле. Все они здесь. Мы чувствуем себя защищенными.

Продолжение новостей совсем скоро, но сначала несколько слов от спонсоров.

Пепси. Освежающий напиток. Когда вы просыпаетесь, играет мягкая мелодия, но затем она смолкает, и вы не знаете, приснилась она вам или нет. У задней стенки вашего холодильника мелькает коридор, но при следующем взгляде он исчезает. Вас преследует неотвязное чувство, что ваш душ теряет веру в вас. Отчаяние. Голод. Не в буквальном смысле, но все же. Снова коридор со множеством дверей, и вы знаете, что можете их открыть. Ваш холодильник пуст. Вы много дней не выходили из дома, и все же вы приходите и уходите. Это не пища. Что же вы едите?

Пепси. Пейте колу.

В прошедшие часы Городской совет провел третью пресс-конференцию, чтобы подчеркнуть исключительную опасность, которую представляют собой ангелы.

«Ангелов как таковых не существует», – заявил совет в своем многоголосом единодушии. Но если бы они существовали, какими бы опасными и отвратительными существами они были. Только подумайте об этом множестве ног и жутком голосе. Представьте себе ангела как убийцу, прячущегося у вас в доме. Подумайте об ангеле как о воплощении бессмысленного вреда и смерти. Вам придется вообразить себе все это, поскольку ангелов не существует.

«Держитесь от них подальше», – заключил совет.

А теперь мы возвращаем вас к звучанию чего-то вокруг вас, что, возможно, намного звучнее, чем вы думаете, но лишь частично указывает на ожидающие вас беды.

Глава 7

Начинать надо со Старухи Джози. К маме Джеки сможет заехать потом.

Дом Джози стоял неподалеку от окраины города, по соседству со стоянкой подержанных автомобилей. Когда кто-то решал расстаться с машиной и не хотел закладывать ее в ломбард, он парковал ее на стоянке для старых машин, открывал дверь и во всю прыть бежал к забору, прежде чем его успевали настичь торговцы подержанными машинами. Покупать их товар никто никогда не приходил. Торговцы старыми машинами бегали между рядами автомобилей с распушенными перьями и вставшей дыбом шерстью. Они нежно поглаживали капот «тойоты сиенны», излучавший жар солнца пустыни, или с любопытством тыкали в бампер «фольксвагена гольфа», почти отваливавшийся от прыжков по рытвинам и закрепленный несколькими пластиковыми завязками. Ненасытные торговцы подержанными машинами двигались очень быстро, и иногда тот, кто хотел расстаться лишь с автомобилем, расставался с чем-то гораздо большим.

Джеки припарковала машину на улице, чтобы избежать путаницы с торговцами. У нее болел желудок, и не оттого, что она съела что-то плохое, а словно бы оттого, что она сделала что-то плохое. Правый бок кололо острой болью. Возможно, у нее разорвался аппендикс. Ведь так, верно?

Джеки была не на работе. Она окончательно простилась с обыденностью. В руке у нее была бумага, а в голове – смутные воспоминания о мужчине в светло-коричневом пиджаке с чемоданом из оленьей кожи в руках.

Джеки подошла к дому. Он представлял собой одноэтажное строение с верандой сочно-зеленого цвета и ухоженной лужайкой, которую в местном сухом климате приходилось поливать за счет какого-то другого заброшенного и всеми позабытого местечка. Лужайку окружала полоса мелкого булыжника, сложенного в геометрические узоры, возможно, призванные отгонять злых духов, а может, так их разбросало землетрясение. От стоянки подержанных машин дом отделял высокий забор из металлической сетки, за которым торговец машинами, завывая, с первобытным восторгом прыгал по крышам автомобилей. Джеки открыла скрипучую железную калитку и вошла во дворик, где выстроились в ряд металлические кресла-качалки с полуистлевшими и почти добела выгоревшими на солнце подушками.

– Чем могу помочь?

Джеки обернулась. Перед ней стояло существо, которое трудно поддавалось описанию, хотя лучшим и наиболее противозаконным описанием могло послужить слово «ангел». Ангелы – это высокие бесполое существа, и все они носят имя Эрика.

– Я тут кое-что подстригало, – сказала существо. В руке оно держало секатор для живой изгороди и стояло у незасаженного участка земли. Рядом с ним не было никаких растений.

– Я ищу Старуху Джози, – ответила Джеки.

Существо едва заметно шевельнулось. Раздался треск больших крыльев, и сверкнула ослепительно яркая чернота, столь лучезарная, что Джеки показалось, будто у нее разорвется сердце.

– Джози? – произнесло существо. – Ну конечно. Она где-то здесь. Позвольте, я ее приведу.

– Ну хорошо. Спасибо вам, – ответила Джеки.

Существо осталось стоять.

– Я тогда просто постучу, да?

– Не надо, – откликнулась Джози. – Эрика меня привела. – Она шла со стороны заднего дворика, сгорбившись и опираясь на палку, и ее длинные волосы тонкими прядями свисали

вниз, почти закрывая лицо. Но от ее тела веяло какой-то мощью, словно на скелет старухи выросли мышцы олимпийского чемпиона.

– Прекрасно, – сказала Джеки. – Спасибо, Эрика.

Существо так и не сдвинулось с места. Со стоявшего на улице дерева вспорхнула стайка птиц, гораздо большая, чем могло выдержать дерево. Птицы казались растерянными, они каркали и налетали друг на друга.

– Чем могу служить, юная Джеки Фиерро? – спросила Джози. – Наконец-то взяла выходной и решила отдохнуть?

– Не-а, просто захотела кое о чем вас расспросить. – Боль в боку усилилась. Наверное, и вправду разлился аппендикс. Наверное, она умрет. – У меня... э-э-э... проблема. Я подумала, может, у кого-то еще такая же проблема.

– У нас почти всегда такие же проблемы, как у всех, – заявила старуха. – А мы делаем вид, что это не так, так что каждый из нас думает, будто мы одиноки. Заходи в дом. – Она заковыляла к дому. Под мышкой у нее был какой-то парусиновый сверток с приставшими к нему комьями грязи.

Когда они очутились в прохладе дома, старуха положила его на кухонный столик и повела Джеки в гостиную.

– Садись, где нравится, – сказала хозяйка. – Тут все такое удобное, какого ты в жизни не встретишь.

Джеки выбрала кресло с цветастой обивкой.

– Ух ты! – вырвалось у нее, когда она утонула в мягко подавшихся под ее весом подушках. На какой-то момент боль исчезла. Комфорт был ответом на все жизненные проблемы. Он не решал их, но немного приглушал по мере того, как они усугублялись.

– Так ты хотела что-то у меня спросить? – поинтересовалась Джози, устроившаяся на диванчике, откуда хорошо был виден лежавший на кухонном столе сверток. Казалось, она что-то про себя считает, отбивая секунды ногой.

– Да. Что вы знаете о человеке в...

– Ах, подожди, дорогая.

Другое существо, столь же трудно поддающееся описанию, как и стоявшее снаружи, внесло кофе и тарелку с пирожными.

– Только за компанию, конечно. Кофе с пирожными. Будешь? – спросила Джози.

– Нет, спасибо.

– Нет? – нахмурилась Джози.

Существо, наверное, тоже нахмурилось. Это было трудно определить и, конечно же, невозможно описать.

– Точно нет.

– Точно нет? – покачала головой Джози. – Нет так нет. Если не хочешь кофе или пирожное, тогда не надо кофе с пирожными. Эрика, пожалуйста, унеси.

Существо исчезло. Скорее всего, они ушли. Наверное, Джеки не заметила, как они ушли. Джози метнула злой взгляд на сверток.

– Не смей, – произнесла она.

– Не смей что?

– Это я не тебе. Задавай свой вопрос.

– Джози, вы что-нибудь знаете о человеке в светло-коричневом пиджаке с чемоданом из оленьей кожи в руках?

– О человеке в светло-коричневом пиджаке? – В голосе Джози слышалось любопытство и, возможно, паника. Эрика вернулась. Обе Эрики. Они уселись на диванчик по обе стороны от Джози. Их лица выражали то, что люди иногда называют страхом. Нет, не страхом. Озабоченностью. Они выглядели озабоченными.

– Да, – ответила Джеки. – Человек. В светло-коричневом пиджаке. В руке чемодан из оленьей кожи.

Глаза ангелов вспыхнули, что было столь же странно наблюдать, сколь и трудно описать.

– Ах, дорогая, – отозвалась Джози. – Не знаю, стоит ли тебе меня об этом спрашивать. Ты уверена, что не хочешь пирожных?

– Нет, не хочу.

– Ну ладно, – сдалась Джози. – Тогда поговорим о человеке в светло-коричневом пиджаке с чемоданом из оленьей кожи в руках. – Она прижала левую руку к боку, словно там болело, но ее лицо не выражало боли. – Мы ничего о нем не знаем, – продолжала Джози. – Ни Эрика, ни Эрика. Конечно, Эрика никогда по-настоящему ничего ни о чем не знает, но Эрика милая, вот.

– Так вы о нем знаете или нет?

– Мы о нем знаем, мы просто ничего не знаем о нем. Нам известно, что он существует, вот и все, но его существование есть ограничение этого знания.

– Знание состоит из ограничений, – сказала та Эрика, которая никогда по-настоящему ничего ни о чем не знает.

– Вот это классно, – отозвалась Джеки. Она этого не подразумевала, но произнесла это таким тоном, чтобы все они поняли, что она этого не подразумевала.

– Да, это довольно классно, – согласилась та Эрика, которая «милая», полностью это подразумевая.

– Вот таким образом, – сказала Джози. – Мы много раз видели человека, о котором ты говоришь. Но мы не можем ничего о нем вспомнить.

Эрики печально кивнули.

– Мы даже не знали, что он мужчина, – произнесла Эрика, которая не милая. – Мы не можем различать пол.

Печалились они не поэтому. Их печаль не соотносилась с разговором. Она не соотносилась с заляпанным грязью свертком на кухонном столе.

– У меня была та же проблема, – призналась Джеки. – Забывала все, что о нем знаю, через несколько секунд после того, как это узнала. Это... не знаю. – Она попыталась найти словосочетание, которое смогло бы передать, насколько сильно последние двенадцать часов выбили ее из колеи. Ей было нужно описать это словами. – Хрень какая-то, – выпалила она вместо этого.

– Да! Да, хрень какая-то, – согласилась Джози. Лицо у нее обмякло, а губы пытались сложиться в улыбку, которая тотчас исчезала. Это вполне соотносилось с разговором.

Она подалась вперед и положила руку на ладонь Джеки.

– Эрика! Эрика! Мы можем немного поговорить с глазу на глаз?

Оба существа больше не сидели на диванчике. В окно Джеки увидела, как одно из них рассеянно ковыряет заросли ежевики, хотя голова его была чуть повернута в сторону Джеки – очевидно, оно пыталось подслушать.

– Джеки, есть вещи, которые я не могу тебе сказать. – Рука Джози все еще лежала на ладони Джеки. Другая ее рука была прижата к боку. – Не могу сказать потому, что они тайна, или же потому, что их невозможно облечь в слова, или же оттого, что я их не знаю. По большей части оттого, что я их не знаю.

Существует вселенная знаний, многие миры фактов и истории, но я почти ничего из этого не знаю. А многое из того, что я знаю, – не то, что мне известно, что я знаю, или думаю, что знаю. Например, как пахнут гренки. Как касаешься песка. Это не те факты, которые я поведаю любому или даже помыслю поведать любому.

Джеки не знала, что сказать. Она соглашалась со всем, что говорила Джози, но вместе с тем не придавала значения почти ничему из сказанного.

– О'кей, – только и смогла она произнести в конечном итоге.

– Все это для того, чтобы сказать, что я предпочитаю не рассказывать тебе кое-что из того, что знаю. Или я тебе вру. И я хочу, чтобы ты меня простила.

– Мы все чего-то хотим, – ответила Джеки.

Джози печально кивнула и встала, совершив сложное перемещение плоти, суставов и мышц.

– Идем со мной, – сказала она.

Джеки подчинилась. Они прошли на кухню. Джози не обратила внимания на лежавший на столе сверток, Джеки последовала ее примеру. Если Джози не собиралась выражать озабоченность чем-то, то и Джеки, черт побери, тоже.

Джози налила стакан воды путем отточенных манипуляций с буфетами, кранами и муниципальным водоснабжением. Ни на нее, ни на Джеки не произвело ни малейшего впечатления рукотворное чудо, при помощи которого так легко наливался стакан воды.

– Выпей, – сказала старуха, протягивая стакан Джеки. – Это поможет тебе от мигрени.

– У меня нет мигрени. У меня кое-что похуже. – Она начала поднимать вверх левую руку.

– Пей.

Джеки выпила.

– У меня все равно нет мигрени, – повторила она.

– Джеки, мне жаль, что это произошло с тобой в таком юном возрасте. Все те десятилетия, в течение которых ты держала ломбарт, ты была такой молодой и не осознавала всю жестокость жизни за пределами столь же и даже более жестокой скорлупы юности.

– А сколько десятилетий? – спросила Джеки скорее про себя.

– Я знаю, что ты ищешь. Знаю, что произошло. Тебя ждут опасности. Ты можешь их не пережить. А если переживешь, то новая «ты», которая их пережила, не останется прежней «тобой», жившей до этого. В этом смысле ты перестанешь существовать, и мне очень жаль.

Сверток начал медленно подниматься над столом. Джози свернула в трубку каталог образцов и аксессуаров для пещерного и полостного дизайна, который с трудом влезал в почтовые ящики многих найт-вэйлцев, и треснула по свертку. Тот шлепнулся обратно на стол.

– Чертовски неблагодарно, – сказала она.

– Что именно? – спросила Джеки.

– Ничего. Именно ничего. Мужчина в светло-коричневом пиджаке явился из опасного места. Оттуда, куда никто не может пойти и откуда никто не может вернуться. Вот что мы думаем.

Джеки протянула левую руку. В ней был листок бумаги с названием места.

– Вы тоже?

– Нас много. Мы не уверены в том, что происходит. Нам нужно знать больше.

Джози швырнула листок на стол и села на кухонную табуретку, снова держа его в руке.

– Откуда начнем? – спросила Джеки.

Джози ответила. Джеки выругалась в ответ, но потом извинилась.

– Библиотека, так-так, – рассуждала Джеки. – Нет. Это... Это... – Она показала руками, что это.

– В поисках правды мы заходим в опасные места, – сказала Старуха Джози. – Зачастую мы попадаем в самое опасное место – в библиотеку. Знаешь, кто это сказал? Нет? Джордж Вашингтон. За несколько минут до того, как его сожрали библиотекари.

Джеки открыла входную дверь. Боль в животе на мгновение прошла – или, возможно, всего лишь стихла под натиском нетерпеливых мыслей о библиотеке.

Из полумрака дома наружный дворик казался таким ярким и далеким. Эрики продолжали заниматься работой в саду. На заднем дворе красовалась яма, которую одна из них начала закапывать. Они стояли неподвижно, что-то бормоча в сторону ямы, и вокруг выкопанной земли обвивался яркий черный свет, толкая грунт обратно в углубление.

Вокруг Джеки обвились чьи-то руки. Джози обнимала ее, но стояла как-то не так, к тому же они были разного роста. На мгновение обе они застыли в неестественном объятии, не желая признавать неуместность проявления чувств.

Когда Джеки подумала, куда ей придется идти, она не почувствовала страха, но остро ощутила всю неосязаемость, весь набор мыслей и привычек Джеки Фиерро. Как легко можно было все их забрать и переместить в другую форму материи.

– Держись подальше от этого человека. Не пытайся следовать за ним в его город. Это ловушка.

– Джози, я не могу с этим жить, – ответила Джеки, глядя на зажатый в руке листок бумаги.

– Все будет хорошо, – сказала Старуха Джози. – Обязательно.

Она крепче обняла ее, и Джеки не сопротивлялась, позволив утешить себя. Живот больше не болел или болел как-то по-другому.

– Это было вранье, – призналась Джози. – Это одни из тех моментов, когда я соврала.

– Я знаю, – кивнула Джеки. – Все нормально.

Она тоже врала.

Глава 8

Диана заправляла машину бензином, когда увидела Троя. Она не приблизилась к нему, а он ее не заметил. Она не видела Троя пятнадцать лет и вообще не хотела его видеть.

Пытаясь вернуть заправочный пистолет на место, она все время его роняла, потому что у нее тряслись руки. Она вообще ничего не чувствовала, однако не могла унять дрожь в руках. Когда же подняла взгляд, Трой уже исчез. Он сел в свою машину (белый седан с разбитым задним фонарем) и уехал, ни разу не взглянув на нее. Диана заставила себя стоять смирно и дышать ровнее, пока ее руки не перестали трястись. Как только дрожь унялась, она водворила пистолет на место, нарочито медленно открыла дверь машины и отъехала, не превышая скорости. Все это время она чувствовала себя прекрасно.

Несколько недель спустя она заехала в банк, чтобы взять денег для сбора средств в пользу Ассоциации родителей. За одним из столов сидел Трой в темном костюме и с пластиковым именным бэджиком. Она попыталась незаметно прочесть имя на бэджике, чтобы убедиться, что это он, но ей не удалось этого сделать.

На этот раз руки у нее вообще не тряслись. На самом деле она чувствовала себя прекрасно, но ощущала во рту вкус крови. Сама того не заметив, она сильно прикусила нижнюю губу. Слизав кровь, Диана прошла мимо с квитанцией в руках, не глядя в его сторону. Поскольку она на него не смотрела, то и не заметила, глядел ли он на нее.

Всего через несколько дней после этого они с Джошем отправились в кино. Это был их ежемесячный ритуал, начавшийся в его седьмой день рождения. Тогда на него нашла хандра, он принимал липкие и вязкие формы, портившие мебель и ковер, и задавал массу вопросов о папе и о том, куда тот ушел. Диана пришла в ужас и раздражение от этого мрачного существа, занявшего место ее малыша, и объявила, что в качестве особого поощрения они пойдут в кино.

Тот вечер в кино стал для них их первым хорошим вечером за несколько недель. Она не очень себе представляла, что они станут смотреть, и просто спросила кассира, какой у них идет популярный детский фильм. Радость от того, что они вместе выбрались «в свет», и ощущение единой команды оттеснили на второй план старомодных смешных героев детского фильма («Старикам тут не место»), мелькавших на экране. Когда они вышли из кино, Джош шел прямо, на твердых ногах, держа ее за руку человеческой ладонью с пальцами. Об отце он не спрашивал несколько месяцев.

После этого начались их ежемесячные попытки воссоздать светлую атмосферу того вечера. По большей части им это почти удавалось. Иногда, особенно в последнее время, ей приходилось напоминать ему принимать скромные формы, без широких крыльев и дымовых труб, чтобы не мешать другим зрителям. Он всегда делал так, как она говорила, однако не без вздохов и закатывания глаз (он почти всегда принимал облик с глазами, когда шел в кино, однако был у него период, когда ему нравилось просто слушать вслепую).

В тот вечер в кино показывали продолжение популярной мультипликационной франшизы о деревьях, выглядевших как деревья, но с человеческими органами, пытающихся помешать девелоперам вырубить их лес. Вначале успех деревьям не сопутствовал, однако в конце бригада строителей получила хороший урок, увидев большое количество крови и услышав душераздирающие крики. Позднее их самих потрошили мстительные древесные духи. Диане показалось, что фильм не так хорош, как оригинал, но она обожала голос легенды кино Ли Марвина. Джош сказал, что это скучотища, но он говорил это почти обо всех фильмах, хотя смеялся надо всеми шутками и комическими сценами смерти.

Когда показывали рекламные ролики, Диана заметила, как вошел Трой. На нем была рубашка-поло, а в руках – щетка для чистки ковров. Он прошел от одного выхода к другому. Похоже, он проверял нижнюю подсветку в проходах. Одна полоса подсветки не горела.

Диана старалась не обращать внимания на Джоша, но безуспешно. Она повернулась и посмотрела на его серебристую чешуйчатую кожу, приплюснутый нос и выступающие глаза, прикованные к экрану. Джош не узнал Троя. Да и с чего бы? Он не видел его с младенчества. В Джоше она видела себя и иногда полагала, что он видит себя в ней. Но это было не так. Она это знала.

Диана обняла Джоша, якобы из нежности, но подсознательно пытаясь его защитить. Она взглянула на свою руку, свисавшую с его не-плеча. Он поглядел на нее, смутившись, но не расстроившись.

Диана смотрела на экран, стараясь не думать об отце Джоша. Ногой она отбивала ритм. Потом осторожно прекратила отбивку.

Вот как все было с Троем. У Дианы не всегда был муж. Когда-то он у нее был, но сейчас это не так. У нее всегда есть бывший муж. Они никогда не были женаты, однако муж и бывший муж – кратчайший способ описать их взаимоотношения с Троем.

Диане интересна семантика брака, а не сам брак. Вот почему. У Дианы двое родителей. Когда-нибудь этих двух родителей не станет, но вот сейчас они у нее есть. Они – мать и отец Дианы и приходится бабушкой и дедом Джошу.

Ее родители никогда не были женаты. Они не хотят (не хотели) пожениться. Они хотят (хотели) быть вместе и оставаться влюбленными. Они почти всегда вместе и почти всегда влюблены. Они не хотят (не хотели) получать свидетельство, заполнять бумаги или получать одобрение улыбающегося бога на их любовь и союз.

Они, конечно же, ценят и уважают любовь других к улыбающемуся богу. (Но улыбка ли это?)

Они, конечно же, заполняют бумаги и получают свидетельства, когда это необходимо, чтобы, скажем, устроиться на работу, сделать водительские права или же зафиксировать рождение Дианы. Или в те времена, когда им необходимо играть в обязательную городскую лотерею, победителей которой скармливают голодным волкам в зоопарке Найт-Вэйла.

Но жениться они не хотят. Наша совместная жизнь – это наша совместная жизнь, вероятно, сказали бы они, если бы их попросили кратко, но убедительно обосновать свой выбор. Может, они так и скажут, а может, и нет. Они не ханжи и не трубят о себе на каждом углу. Они просто любят друг друга, и этого им достаточно для веры.

Диана тоже хотела быть с кем-то и любить кого-то. Она хотела делать все это, не выходя замуж. И хочет до сих пор. В родителях она видела себя. Видела, какой она может стать, какой может стать жизнь, какой может стать любовь.

Существует соотношение между видением того, что может случиться, и тем, что испытываешь сейчас. Однако, как говорит один ученый с хорошо подвешенным языком, у которого часто берут интервью в новостях, «соотношение не есть причинно-следственное отношение» и «совершенное действие не есть указание на будущие результаты».

Кроме того, родители Дианы принадлежат к двум различным расам. Расы имеют значение, но только для Дианы, ее родителей, их семьи и друзей, а не для тех, кто их не знает. Не всем доводится узнать все обо всех.

Выросшая на юго-западе, Диана видела не много смешанных браков и мало детей от таких браков, и у нее не всегда была возможность или склонность подружиться с такими семьями. Когда она была ребенком, друзья все еще назначались распоряжением Городского совета, основанным на нумерологии имени каждого из детей, что считалось самым прочным фундаментом прочной дружбы.

Иногда другие дети дразнили ее и давали ей ужасные прозвища. Иногда такие дети расово отличались от одного из родителей. Соответственно, они часто были расово схожи с другим родителем.

Сделавшись подростком, Диана продолжала выслушивать всякое не только о своей расе, но и о своем теле.

Она была еще девушкой, не женщиной. Ей было всего пятнадцать.

Представьте себе пятнадцатилетнюю девочку от расово смешанного брака.

Вот так, хорошо. Почти в точку, возможно, сказала бы она кому-то, кто описал бы, как она выглядит. Диана не знала, как она выглядит. Да и не хотела знать. Все равно многие могли ей об этом рассказать.

Когда ее тело выиграло гонку за женственность у ее личности, Диана стала слышать, что она высокая, коротышка, толстая, костлявая, уродливая, сексуальная. Что слишком много улыбается, что улыбается слишком мало, что у нее плохие волосы, что у нее прекрасные волосы, что у нее что-то с зубами, что она прекрасно одевается, что она одевается безвкусно, что у нее жуткие ноги, что у нее красивые ноги. Что она слишком темная. Что она слишком бледная. Она слышала массу описаний себя и воспринимала их все как правду.

«Тебе вообще нельзя загорать, Диана», – мог сказать кто-то, весело (и завистливо) похлопывая ее по плечу затянутой в ткань по самую ладонь рукой. «Ты сама на себя не похожа, Диана», – мог сказать кто-то другой, весело (и лицемерно) похлопывая ее оголенной рукой.

По поводу расы ее дразнили все меньше и меньше. Или, скорее всего, прятали издевки за простыми оценками. «По телефону ты вполне нормальная», – мог сказать кто-то по телефону.

Она также наслушалась всякого о том, что ее родители не состояли в браке. «Формально ты незаконнорожденная, так ведь?» – иногда спрашивали ее, узнав, что ее родители не женаты.

«Ты результат случайного секса?» – могли спросить ее (иногда те же люди). «Они что, не любят друг друга?» – могли вполне серьезно спросить другие. «Ну, если что-то пойдет не так, им будет легко разбежаться», – мог пошутить кто-то еще. «Они свингеры?» – этот вопрос кто-то задал бы в шутку, а кто-то – всерьез.

Но самым распространенным стало предположение, что она никогда не влюбится. «Наверное, ты никогда никого не встретишь, – полагали многие, – поскольку твои родители не научили тебя серьезно относиться к браку».

Но она все-таки нашла настоящую любовь. Его звали Трой. Ему было семнадцать. Ей было чуть больше семнадцати.

Представьте себе тинейджера по имени Трой. Совсем неплохо. Он чуть менее мускулистый, но это не важно. Трой выглядел так, как ему казалось. Трой выглядел в точности так, как ему казалось. Он не полюбил Диану, пока они не встретились. Потом он всегда любил ее. До того момента, с которого никогда ее не любил.

– Я всегда буду тебя любить, – иногда говорил он. Потом он вообще этого не говорил. Его даже не было рядом, чтобы сказать это.

Они всегда были вместе и всегда были влюблены – все восемь месяцев с тех пор, как познакомились, когда летом подрабатывали в кафе-мороженом «Белые пески». Потом начал формироваться Джош, еще не названный Джошем. Начинался он с разбросанных клеток. Клетки эти соединялись и начали размножаться в миллиарды и миллиарды других клеток, пока не превратились в одну гигантскую клетку.

К этим клеткам еще прибавились клетки Дианы, и они начали превращаться в глаза, ноги, почки, язык, крылья и жабры, разрастаясь, расширяясь и принимая форму Джоша. Люди сообщали Диане, как она изменилась внешне. Сама она не ощущала никакой разницы.

Потом однажды из Дианы вышел Джош. Она была девушкой и, наконец, превратилась в женщину. Ей было восемнадцать. Представьте себе восемнадцатилетнюю мать. Представьте себе семнадцатилетнего отца.

Трой не мог. Он больше не мог видеть себя. Он смотрел на Джоша, которого называл в честь своего дяди, отставного десантника, смутно представлявшего ему «крутым», и видел

кривое зеркало. На него глядело личико, двигавшееся и гримасничавшее иначе, чем Трой. Это было его лицо, но оно выглядело и двигалось не так, как он.

Трой понятия не имел, что такое диссонанс. Или же не знал, что это такое, пока не испытал диссонанс на себе.

Трой уехал из Найт-Вэйла, когда Джошу исполнился год. Через месяц он прислал Диане письмо. В нем говорилось что-то о семье военных. В нем говорилось что-то о том, что они еще дети. В нем говорилось что-то об ошибках. В нем говорилось что-то о том, чтобы помнить друг друга. В нем говорилось что-то о том, что он никогда не забудет ее лицо.

Она не помнит, сказал ли он, что никогда не забудет ее лицо или ей никогда нельзя забывать своего лица. Все равно ничего не случилось.

Кто-то говорил ей, что знал, что она не сможет удержать мужчину. Кто-то говорил ей, что порядочные родители настояли бы, чтобы Трой на ней женился. Кто-то говорил ей, что она одевается не так, как надо. Кто-то говорил ей, что она слишком высокая. Почти все говорили ей, что теперь она никогда не выйдет замуж. Все это устраивало Диану. И до сих пор ее устраивает.

Почти все уточняли: мы хотели сказать, что теперь ты вообще никого не встретишь, не говоря уже о том, чтобы выйти замуж.

Джоша всегда интересовало, кто его отец. Он понимал, основываясь на рассказах своих друзей, что у многих детей двое родителей, и были периоды, когда становилось ясно, что у него одного из них не хватает. Он частенько задавал вопросы. Иногда вслух.

Иногда Диана слышала, что Трой – страховый аналитик. Иногда слышала, что он – флорист. Иногда она слышала, что Трой – полицейский. Кассир-контролер. Профессор. Музыкант. Комик. Однажды она услышала жуткие слухи, что он стал библиотекарем, однако она не могла себе представить, чтобы Трой превратился в самое зловещее чудовище, как бы плохо он с ней ни обошелся. Диана ломала голову: возможно ли вообще, чтобы человек стал библиотекарем?

И вот они с Джошем в кинотеатре, и здесь же Трой, которого не заметил Джош.

Полоса подсветки пола снова включилась. Трой, так и не посмотрев в ее сторону, показал большой палец кому-то невидимому, стоявшему в темном углу. В темноте блеснули его зубы. На Диану он не взглянул. Медленно вышел из зала, продолжая улыбаться и держать поднятым большой палец.

Она перевела взгляд на Джоша, рефлекторно прижав его к себе. Тот поежился и посмотрел на нее.

– Извини, – сказала она и убрала руку.

– Нет, все нормально, – ответил он, глядя не недоеденную шоколадку.

– Правда? – Она снова обняла его.

Они тихо ждали, пока начнется фильм.

Чуть позже Диана вернется в кинотеатр одна.

Глава 9

Джеки направила машину к библиотеке, но вскоре автомобиль сбился с пути. Или она сбила его с пути, что бы ни значил этот глагол. Исказила. Она исказила направление в сторону маминого дома.

Ей позвонила мама, а необходимость быть хорошей дочерью представляло собой такой же удобный предлог, как и любой другой. Что угодно, только не библиотека.

Она свернула в проезд Пустынных вязов, чье название не напоминало ни о чем реальном. Проехала мимо Антикварного пассажа. Антикварные вещи на витрине смотрелись особенно классно, когда боролись друг с другом и задорно хватали друг друга за хвосты. Однако Джеки всегда казалось необоснованным тратить деньги на антиквариат, к тому же она редко бывает дома, так какое ей дело до древностей?

Ее мать жила в районе Песчаного карьера, находившемся между новостройками «Пальмовый лист» и «Плачущий горняк». Этот район составляли коттеджи на одну семью. Небольшие лужайки по большей части были засыпаны щебенкой, поскольку обитателей заботил перерасход водных ресурсов, а задние дворы резко переходили в холмы, не пригодные для возделывания без упорного и длительного наращивания террас.

Дом ее матери походил на любой другой дом с розовой отделкой и зелеными фонариками. Или на любой другой дом с открывавшимися вручную деревянными гаражными дверьми, распавшимися на доски и щепки. Или любой дом с кустами розмарина, медленно вгрызавшимися во все остальные растения во дворе, и воротами, повисшими на ржавых петлях, и пышной зеленой лужайкой, приводившей в смущение озабоченных перерасходом воды соседей. Ее дом можно было легко спутать с любым другим домом, по случайности ничем от него не отличавшимся.

Поглядев на дом, Джеки ощутила беспокойство, которое она не могла выразить связным жестом или бессвязными словами. В этом доме было что-то ей незнакомое. Сердце билось у нее в груди – там, где оно обычно бьется. Она вышла из машины и подумала о том, чем могла бы сейчас заняться. Например, она могла бы ехать по пустыне в «мерседесе», находившемся в ее ломбарде, сама не зная куда (или нет: взглянув на руку, она бы точно знала, куда ехать, так ведь?), опустив верх, с иссушенными жарким воздухом и пылью волосами, делая вид, что все неудобства езды с опущенным верхом представляют собой достоинства, поскольку такая езда обычно считалась удовольствием. Или наконец-таки позволить себе прекрасный комплексный обед (с набором вин и прилагающимися противоядиями) в самом модном ресторане Найт-Вэйла под названием «Турникет». Или стоять ночью без движения среди дюн, пока вокруг нее не опустятся огни и она почувствует, как ее подхватывают холодные руки инопланетян и уносят для исследования в далекое потайное место, откуда не возвращаются. Она подумала о том, как весело бы ей было, вот только она никогда ничего такого не делала, и если честно (а иногда она бывала честной), то и не хотела делать. Что она обожала – так это обыденность. Обыденность была ее жизнью.

Если подумать, ее жизнь вообще не менялась, но она об этом никогда не думала, разве только теперь, когда видела в своей руке листок бумаги. Все эти раздумья наводили на нее ужас.

Мать ждала ее у открытой двери.

– О, Джеки, как я рада, что ты приехала.

Вслед за ней Джеки прошла в дом. Внутри он казался стерильным, словно в нем никто не жил. Кое-кто содержит жилище в таком идеальном порядке, что там вообще нет никаких признаков жизни.

– По-моему, ты хотела мне что-то сказать, – начала Джеки. – Я приехала тебя послушать.

– Ты всегда переходила сразу к сути. Даже в детстве.

Мать провела Джеки на кухню, где царил такой же идеальный порядок, как и в гостиной. Джеки засомневалась: бывала ли она вообще когда-то в этом доме. Конечно, она, очевидно, здесь выросла. Если только ее мама не переехала, как только достаточно постарела для переезда. Но тогда бы она об этом услышала, возможно, даже помогала бы переезжать и, вероятно, оказала бы помощь при выборе места. К тому же в девятнадцать лет она не могла уехать из дома слишком давно. Но здесь ей все было незнакомо. Она оглядела кухню, стараясь догадаться, в каком ящике лежит столовое серебро (самое верное свидетельство знакомства с кухней), но без малейшего успеха.

– Ты помнишь, как много лет назад мы пригласили твоих лучших подруг Анну и Гранию на день рождения, а ты разозлилась, потому что день рождения у тебя был на следующий день? – спросила мама.

– А-э-э, – ответила Джеки. – М-м-м, – продолжила она.

Она открыла ящик, делая вид, что знает, где лежит столовое серебро. В ящике были сложены кухонные полотенца.

– Я попыталась объяснить, что завтра надо в школу, а педсовет посылает на поиски прогульщиков вооруженные отряды школьников, но ты и слушать не желала. Ты всегда была упрямой. – Глаза мамы расширились, а нижняя губа завернулась под зубы. Побелевшими от напряжения пальцами она вцепилась в кухонный стол.

Джеки потянула другой ящик. Он оказался полон непрозрачной вязкой жидкости, медленно кипевшей на каком-то невидимом источнике тепла.

«Нет», – сказала себе Джеки. Она не искала ящик с горячим молоком. Ей нужен ящик со столовым серебром. Если она узнает, где он, то узнает и дом.

– Я никогда не бывала в этом доме, – заявила она.

Мать не выказала удивления.

– Когда тебе было десять лет, ты ударила головой о кухонный стол, вот тут. Я подумала, что тебе больно, но ты смеялась. Ты сказала, что это напомнило тебе какого-то героя мультиков, сделавшего смешной переворот, и если представить себе все это на расстоянии, тогда болит меньше. Ты хохотала без умолку.

– А как я вообще узнала дорогу сюда?

Джеки снова испугалась и потому разозлилась. В злобе она рывком открыла еще один ящик, но опять не со столовым серебром.

– Столовое серебро надо класть сюда, если представлять кухню с точки зрения последовательности выполнения работ. И у кого вообще бывает *два* ящика с горячим молоком?

– Ты отличалась умением ушибаться и способностью не чувствовать боли, – продолжала мама. – Помню, как тебя ужалили, когда подаренное тебе на день рождения чучело оказалось полно пчел. Тогда ты получила ценный урок касательно дней рождения вообще. Помнишь?

– Я помню ломбард. Помню дни в ломбарде. Приходы и уходы. Чего я не помню – так это где у тебя ящик со столовым серебром. Где он? Где ящик?

В жизни не было более важной для нее информации. Она смяла бумагу в левой руке, а потом стала обмахиваться листком без единой складки или загиба.

– У меня его нет. Ты же знаешь. Мы обе заработались. Ты лучше присядь. Мы обдумаем это и все остальное, если у нас будет побольше воды. Это очень важно. Это поможет тебе от мигрени.

– Нет у меня мигрени!

Мать выглянула в окно, и Джеки машинально перевела туда взгляд. Ее злость превратилась в какое-то существо, которое шло за ней и толкало ее.

Снаружи виднелся дворик с подстриженной травой, окаймленный щебенкой. Траву питала искусственная система жизнеобеспечения, простиравшаяся на сотни километров к ближайшему резервуару. Корешками трава едва держалась на песчаном грунте, обильно сдобрен-

ном минералами. За лужайкой по склону холма карабкались растения, более приспособленные к здешнему климату, – кактусы, полынь и металлические деревья, каждый день менявшие свой размер.

– Я не уверена, что вообще там была, – сказала Джеки, садясь вместе с матерью за кухонный стол.

– Конечно же, ты там была, – возразила мать. – Давай вместе поговорим о твоих воспоминаниях об этом месте.

Мать катала авокадо по безукоризненно чистому столу. Пол, стол и стены были одного и того же чистого цвета, все остальное было таким же чистым и нетронутым. Авокадо, конечно же, было ненастоящим, как и все авокадо.

Потом мать посмотрела на нее просящим взглядом. Она сделала некий жест рукой с авокадо, словно старалась им что-то сказать или, по крайней мере, на что-то намекнуть.

– Когда тебе было пять лет, мы праздновали твой день рождения в Лесопарке для спецзаданий, на площадке для именин. На той, что обнесена забором и охраняется на случай, если вдруг случится очередное именинное... происшествие.

– В те времена все было проще. Лично у меня было меньше воспоминаний, наслаивающихся на мир, так что все было яснее. К тому же я была моложе. Поэтому мир был проще. Я теряюсь.

– Мы устроили тебе праздник. Были подарки, гости и плакат с надписью «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!». Отец поднял тебя и начал кружить. Родители иногда демонстрируют любовь через скорость. Сейчас у меня этой фотографии не осталось, но когда-то она была. Отец поднял тебя. Ты помнишь?

– Я не помню, что у меня был отец.

– Ну, дорогая. Он ушел довольно давно.

– Я не просто не помню, что у меня был отец. Я не помню, чтобы ты когда-нибудь мне говорила, что у меня не было отца.

Мама вцепилась в авокадо и впиалась взглядом в лицо Джеки, скорее всего, в поисках ощущения, что общение произошло.

– А что потом случилось с Анной и Грацией? – спросила Джеки.

– С кем?

– С девочками на моем дне рождения.

– Ой, не знаю. С течением лет мы теряем связь с друзьями.

На заднем дворе послышался какой-то шум. Мама опустила глаза, а Джеки вскочила на ноги и пошла еще раз выглянуть на улицу.

Тот же двор, лужайка, растения и щебенка. Но теперь к этому добавился силуэт на щебенке, на фоне забора. Сначала он смутно напоминал человеческий. Потом стал явно человеческим. Ее глаза впитывали детали по мере их обнаружения. Светлые волосы. Теплая улыбка. Улыбка ли? Это был человек с кухни «Лунного света всю ночь».

– Черт подери, что это за парень? – спросила Джеки, прищурившись и сжав кулачки.

Тайную полицию шерифа всегда было легко вызвать – достаточно было крикнуть «Эй, полиция!» в открытую дверь или прошептать то же самое в телефон. Телефон даже не надо было включать. Но звать на помощь было совсем не в духе Джеки Фиерро.

«А совсем в ее духе, – подумала она, – делая именно это, было кинуться из задней двери к нему и заорать:

«Я тебя достану, гад!»

На щебенке не осталось даже следов. Он просто исчез. Джеки резко остановилась. Никого. Она подпрыгнула, услышав сзади громкое шипение.

– Я не боюсь, – заявила Джеки, действительно не боясь. Она разозлилась, а злоба более продуктивна, чем страх.

Пульверизатор подскочил вверх и обрушил на нее потоки воды. Затем один за другим взметнулись вверх и его собратья, опорожня свой груз на раскаленную пустыню, чтобы напитать траву, уплыть прочь и испариться.

– Я точно никогда здесь не была, – произнесла Джеки, в то время как вода стекала по ее волосам и лицу на одежду и туфли. – И как я вообще узнала дорогу сюда?

Ее мать, смутно различимая в кухонном окне, медленно откусила от авокадо большой кусок и, не оглядываясь на дочь, с трудом принялась жевать.

Глава 10

– Я иду в кино, – объявила Диана у двери Джоша, не задержавшись в ожидании ответа. Вначале, когда она делала это, он отсылался, говоря: «Веселись» или «А я останусь дома», потому что не мог часто выходить с матерью «в свет», во всяком случае не каждый вечер.

– Я иду в кино, – объявила Диана в пятый или шестой раз за две недели, и Джош начал обижаться на нее за то, что она проводит так много времени без него. Обида эта была неосознанной. Ему просто казалось, что это идиотизм – так часто ходить в кино. «Кого она из себя строит?» – думал Джош. «Кто мы все на самом деле?» – думал дом.

Джош перестал отвечать, а Диана перестала ждать ответа. Она просто уходила.

Было восемь вечера. В тот день снова показывали экранизацию пьесы Юджина О’Нила «Продавец льда грядет», снятую Джоном Франкенхаймером в 1973 году. Диана, как и большинство людей, видела этот фильм десятки раз: его крутили каждый вечер по распоряжению Городского совета. Сам фильм ей не нравился, однако она ценила его как полюбившийся элемент комфорта.

Она часто плакала, особенно в том месте, когда персонаж по имени Ларри Слейд говорит: «Как доказывает вся мировая история, правда ни на что не влияет». Эпизод не был печальным или эмоциональным. На самом деле он был весьма поучительным, но у нее наворачивались ностальгические слезы. Вслед за Ларри она беззвучно шептала: «Это несущественно и нематериально».

Но в любом случае в кино Диана ходила не из-за фильма.

Она покупала билет у работавшего в кассе разумного дымчатого пятна. Пятно звали Стейси, и они с Дианой сделались своего рода приятельницами, или, по крайней мере, приветливо здоровались, узнав друг друга и не делая из этого события.

Каждый раз, придя в кино, Диана искала Троя, стараясь не показывать окружающим, что это и есть ее истинная цель. Иногда ей удавалось скрыть это даже от себя. Она думала, что оглядывается по сторонам, просто интересуясь новыми картинами, прошедшими Совершенно секретный цензорский совет Найт-Вэйла (который состоял лишь из парня по имени Луис, а тот отказывался смотреть вообще какие-либо фильмы из опасения увидеть запрещенную мысль или жест), или же текущей ценой ведра попкорна (которую кинотеатры Найт-Вэйла по никому не понятной причине жестко привязывали к ценам на угольные фьючерсы). Но на самом деле она искала Троя, однако нигде его не видела.

Диана ждала вечера, когда не будет очереди за билетами и Стейси будет в кассе одна.

– Ты знаешь парня по имени Трой, который здесь работает?

– Конечно. Только сегодня не его смена.

– Не подумай ничего такого. Я его старая знакомая. Вот думала его здесь встретить. А ты знаешь, когда он обычно работает?

Последовало долгое молчание. Стейси, дымка без лица и тела, по которым можно было бы что-то определить, продолжала парить в кассовой кабинке. Диана решила, что задала неуместный вопрос.

– Извини. Ты, наверное, не можешь ответить...

– Нет, нет. Я просто просматриваю рабочий график.

Диана увидела какие-то бумаги, шелестевшие на прибитой к стене планшетке.

– Он работает завтра с одиннадцати до четырех.

– Здорово, – выдавила из себя Диана. Ей казалось, что она задыхается, но дышалось ей вполне свободно. Она кивнула как можно более непринужденно: – Спасибо, Стейси.

На работе Диане было не легче. Никто не говорил об Эване. Никто не помнил Эвана. Она всем виновато объясняла, что, скорее всего, что-то напутала.

– Из-за мигрени? – поинтересовалась Дженис Рио, работавшая помощником директора по продажам и чей стол, что было куда важнее, стоял ближе всех к ее одинокому рабочему месту у серверной.

– Нет, – ответила Диана. – У меня нет... нет.

– Гм, – хмыкнула Дженис. Она всегда так реагировала, когда ей было все равно, что сказал собеседник, но ритм разговора требовал ответа. Она ушла, прежде чем могла возникнуть надобность в каких-то еще ответах.

Диана выполняла не очень много работы, что не соответствовало ее представлениям о собственной ответственности. Вместо этого она проводила массу времени, рассматривая пару листов из блокнота, которые нашла на полу своей машины.

На верхнем листке красовались телефон и адрес, написанные почерком, похожим на почерк Джоша. Адрес относился к старой части Найт-Вэйла, в конце его стоял какой-то номер. Давным-давно у Джоша был друг, живший в той части города, однако Диана не могла припомнить никого из теперешних знакомых сына, кто мог бы там жить.

Почерк на втором листке бумаги был другим, но также принадлежал Джошу. Его почерк регулярно менялся в зависимости от того, какой размер и форму принимала его пишущая конечность. Щупальце, крыло или человеческая рука, даже управляемые одним и тем же мозгом, держат ручку по-разному просто в силу разной массы и формы. И все же, как и с другими признаками его трансформаций, Диана всегда могла определить почерк Джоша. В нем всегда было что-то особенное, звонко отзывавшееся внутри нее там, где сосредотачивалась вся ее забота о нем.

Записка гласила:

– Я хочу встретиться с этим парнем.

Внизу было написано почерком, не принадлежавшим Джошу, и другим цветом:

– Я дам тебе его номер, но пока ему не звони.

Джош:

– Не буду, Дах. У него есть фотка? Я хочу знать, как он выглядит.

[Кто?]:

– Если нет, я достану.

Джош:

– Как его зовут?

И больше ничего. Диана ломала голову: кто этот мальчик, которым заинтересовался Джош? Она не знала, ходил ли он на свидания. Он никогда не выражал охоты говорить с ней о свиданиях.

Диана раздумывала, как заговорить об этом с Джошем, но потом засомневалась, можно ли вообще заговаривать с подростками на эту тему.

«Так, значит, тебя интересуют свидания?» – спросила бы она. И что она ожидала услышать в ответ? «Да»? А что потом? «Как его зовут?» – продолжила бы она в своем воображаемом разговоре. «Не знаю. Кто-то другой знает», – предсказала она его ответ, когда он опустит клюв к рукам, на которых вдвое больше пальцев, чем у нее.

«Ты хотел спросить, как зовут этого мальчика? Почему ты не вернул записку другу?» – вообразила она свои вопросы. «Почему ты читаешь мои записки?!» – представила она его крик. Его розовые глаза и оскаленные длинные зубы. Он плакал, хлопая крыльями.

Сидя за столом, она несколько раз прокручивала в голове этот воображаемый разговор, и он никогда не заканчивался ничем хорошим.

Она сунула записку в карман и соврала Катарине, что у нее мигрень (Катарина сказала: «Заметно». Диана не понимала, как кто-то может вообще заметить мигрень), после чего ушла с работы пораньше – где-то между одиннадцатью и четырьмя.

Она торопилась и ехала быстро, слушая радио, включенное на большую, но не чрезмерную громкость. Сесил Палмер беседовал с ученым, который рассказывал, что облака состоят из влаги и не скрывают инопланетных кораблей или придатков огромного небесного существа. Это звучало смешно, как и большинство из того, что теперь передавали по радио. Он искажал факты, создавая абсурдные аргументы, чтобы держать слушателей в напряжении.

Диана недоумевала, поскольку Сесил встречался с ученым, а интервью с партнером в новостной программе казалось конфликтом интересов. Более того, ученый нес чепуху.

– ...маленькие-маленькие капельки, которые не видны по отдельности, в совокупности составляют пышное белое облако, – продолжал ученый.

Именно тогда Диана услышала вой сирен, который вначале приняла за муниципальную цензуру, избавляющую обычных граждан от необходимости слушать подобные разговоры во время городского эфира, но потом поняла, что они завывали на дороге прямо за ней.

Она ехала почти под пятьдесят на участке с разрешенными тридцатью. «Ладно, – подумала она, – значит, я это заслужила».

Прижимая машину к обочине, Диана взглянула на часы на приборной доске и поняла, что ей никак не успеть в кинотеатр, чтобы увидеть Троя. Подкатившее к самому горлу чувство переместилось к животу. Она не могла определить, что это за чувство, хорошее оно или плохое.

Обычной полиции в Найт-Вэйле нет. Была когда-то, но потом решили, что обычная полиция – это недостаточно безопасно. Все знали, что обычная полиция существует, и кто-то мог каким-то образом использовать эту информацию против Найт-Вэйла. Никто точно не знал, как именно, но самой угрозы было достаточно. Состоялись собрания общественности, и полиция исчезла безо всякого официального разъяснения. Через пару дней по всему городу появилась Тайная полиция шерифа, разъезжавшая в темно-красных седанах с золотистыми гоночными полосами и черными семиконечными звездами на бортах, украшенных надписью «ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ». Она состояла из людей, которые чуть раньше были обычными офицерами полиции. После этого все почувствовали себя в гораздо большей безопасности.

Вот почему ей было так странно видеть, что прижавшаяся рядом с ней к обочине машина оказалась старомодным полицейским патрульным автомобилем с мигалкой на крыше и кузовом от «форд краун виктории». Вылезший из него офицер был одет в обычную полицейскую форму без накидки и ремня для пескоструйки.

Диана пошарила в бардачке в поисках страховки и техпаспорта, потом сунула руку в карман, ища права, и вытащила из него смятую записку Джоша.

Она уставилась на записку. Наверное, она долго на нее тарасилась: точно сказать она не могла.

В ее левом ухе раздался громкий стук. Она растерянно подняла взгляд. В нескольких сантиметрах от ее лица по стеклу барабанили костяшки пальцев.

Диана завизжала, но не испугалась. Ее тело завизжало, прежде чем она смогла с ним что-то поделать. Костяшки прекратили стучать по стеклу.

Одну руку она прижала к груди, а другой нажала на кнопку стеклоподъемника.

– Извините, – произнесла она, делая долгие медленные выдохи.

– Права и техпаспорт, пожалуйста.

Голос был ей смутно знаком, но она была слишком погружена в свои мысли, чтобы придать этому значение.

– Вот, прошу вас.

Тишина. Диана видела брюки и рубашку защитного цвета, черный кожаный ремень и локти, когда полицейский изучал ее документы, и только локти, когда он выписывал штраф.

Это заняло несколько минут, поскольку по закону от полиции требовалось описывать характер солнечного света на момент нарушения как можно поэтичнее, хотя размер и рифма являлись необязательными условиями.

«Знойное, желтое, а вокруг него присутствует лиловатый ореол, прежде чем оно скроется за мирским покрывалом неба. Сие светило напоминает нам о нашей величайшей ничтожности в величайшей бесконечности вселенной. Но сегодня, когда я выписываю этот штраф за превышение скорости, я чувствую, что могу раздавить солнце ногой, словно виноградину, и что вселенная есть зонтик, который я могу сложить и спрятать», – написал офицер на штрафном бланке.

Диана поблагодарила его, когда он вручил ей квитанцию, но взгляд ее был прикован к лежащей на пассажирском сиденье записке Джоша.

– Впредь будьте внимательнее, м-м-м... Диана, – сказал офицер, и в голове у нее достаточно прояснилось, чтобы узнать его голос.

Она подняла глаза. Он был светловолосым со сверкающими зубами. Их взгляды ненадолго встретились – или ей показалось, что ее глаза встретились с его глазами за зеркальными очками, – а потом он ушел, быстро шагая в направлении патрульной машины.

Она пыталась дышать, но ничего не вышло.

Это был Трой.

Голос Найт-Вэйла

СЕСИЛ: ...«Все восславьте, все погрузите лица в невспаханную землю и воззовите ее к процветанию», – заключило оно, прежде чем разрезать ленточку на официальном открытии нового роликового катка в центре города. Огромная благодарность Светящемуся Облаку за его речь, и, конечно, да здравствует могучее Светящееся Облако!

Предупреждаем наших слушателей: поступают сообщения о подложных офицерах полиции на дорогах, которые, вместо того чтобы защищать наши интересы, пользуются самовольными полномочиями с целью вылавливать и вымогать деньги у тех, кто способен, по крайней мере, оказать им общественное сопротивление. Если вы увидите одного из этих подложных полицейских, немедленно реагируйте, пожимая плечами и думая «Что мне делать?», после чего посмотрите, не появилось ли что-нибудь забавное в «Твиттере».

А теперь отрезвляющие новости. Стажерку нашей радиостанции Джоди попросили в рамках ежедневной переписки, проводимой Тайной полицией шерифа, разметить все до единого предметы в Найт-Вэйле в алфавитном порядке. К сожалению, Джоди отнеслась к работе столь ответственно, что разметила по алфавиту и себя тоже. И теперь то, что когда-то было старательной и трудолюбивой стажеркой, представляет собой кучу окровавленных костей и органов, аккуратно разложенных от А до Я.

Обращаемся к семье и друзьям стажерки Джоди: нам будет ее не хватать. Особенно потому, что она разметила себя по алфавиту в самом начале процесса, так что большинство предметов на радиостанции все еще нуждается в размещении по алфавиту. Если вам нужен кредит на колледж или место, где спрятаться от опасного внешнего мира, приходите к нам на радио прямо сегодня и начните долгую и здоровую жизнь в эфире.

К другим новостям. Женщина в мешковатой шинели и очках-авиаторах, говорившая от имени «Грошовой лавки Ленни: садовый инвентарь и запчасти», заявила, что могут возникнуть незначительные проблемы с некоторыми проданными ими вещами.

«Некоторые из проданных нами садовых фонтанов на самом деле представляют собой турели, активируемые датчиками движения, – сказала она. – Также возможно, что мы поместили наклейки с надписью «Яд от улиток» на оснащенную детонаторами взрывчатку. И хотя мы подтверждаем тот факт, что она действительно будет убивать улиток, следует заметить, что она также способна убить любой другой живой организм в радиусе нескольких десятков метров от улиток. Вероятно, нам следовало бы указать это на этикетках. Так что подавайте на нас в суд.

Но по зрелом размышлении, – продолжила она, – не подавайте на нас в суд. Вы даже не знаете, на какой правительственный департамент мы работаем. На кого вы собираетесь подавать в суд? И не кажется ли вам, что мы уже подкупили всех судей? У вас нет шансов. – Она захихикала, помахивая неестественно длинным мундштуком, кончавшимся незажженной сигаретой. Это продолжалось несколько неприятных секунд. Ее смех перешел в натужное фырканье, а затем в несколько долгих, наигранных вздохов.

О да, – произнесла она, – без этого мне никак нельзя. Ну ладно, по-моему, это все. Ах да, забыла. Ни в коем случае не прикасайтесь к фламинго». Она кивнула нескольким присутствовавшим журналистам и вернулась в свою нору рядом с мэрией, откуда ее позже выкурило и этично поймало Местное управление по ловле и отпуску вредителей.

Сегодня Ассоциация родителей Найт-Вэйла обнародовала заявление, в котором говорится, что если школьный совет не сможет во время перемен между уроками обеспечить блокировку школьников от знаний об опасной деятельности вроде использования наркотиков и библиотечной науки, его члены станут перекрывать все входы в школы своими телами. Они вытащили из грузовиков сотни тел, заявляя: «Мы владеем всеми этими телами и, не раздумывая, используем их для возведения огромных баррикад, если это потребуется для того, чтобы оградить наших детей от знаний».

В ответ школьный совет раскритиковал Ассоциацию родителей за использование средств на приобретение столь большого количества тел, однако казначей ассоциации Диана Крейтон заявила, что грусть вечна, что слабость есть другое обозначение человечества и все это пройдет, все это пройдет. Она держала чашку с кофе почти у самой груди и бормотала все это про себя. Не уверен, соотносила ли она это с текущими разногласиями и знала ли о нашем присутствии или что-то еще об этой истории, происходящей где-то в мире, где она всегда происходит, сообщаем мы об этом или нет.

И огромное спасибо местному ученому, дипломированному гению и – о да! – моему бойфренду Карлосу, который заходил чуть раньше, чтобы рассказать о природе облаков. Хотите, чтобы вам что-то разъяснили языком, который может показаться научным? Не стесняйтесь и заходите в лабораторию к Карлосу. Иногда он бывает на работе. Иногда вечером он ходит на свидания – со мной. Я его бойфренд. Не помню, упоминал я об этом или нет.

Глава 11

Джеки опустила стекло машины (в ее машине все было ручное, кроме коробки передач, которая была чуть менее ручной и принцип работы которой не мог понять даже ее автослесарь. «Это даже не коробка передач. Это просто мешок с камнями, привязанный тросиком к переключателю скоростей. Как эта машина вообще ездит?» – спросил он ее, когда она в последний раз заезжала сменить масло. Ее ответ, как и любой ее ответ на все вопросы, не касавшиеся ее ежедневной жизни, свелся к пожатию плеч, и она перестала об этом думать в ту же секунду, как люди вокруг переставали ей об этом напоминать) и позволила солнцу проделать со своим лицом разные штуки. Бивший в лицо воздух приятно освежал ее и казался таким реальным, как ничто из случившегося в тот день.

Ей был очень нужен кто-то, кто понимал мир, кто изучал его во всей его объективности. Ей нужен был ученый. К счастью, Найт-Вэйл всего несколько лет назад обзавелся несколькими из них.

Они приехали одновременно, поскольку ученые – стайные животные. Вожаком у них был милый человек по имени Карлос, который стал встречаться с Сесилом, ведущим местной радиостанции, после того как чудом остался в живых в ходе яростной атаки крохотной цивилизации, жившей под дорожкой номер 5 боулинг-клуба «Цветок пустыни» и комплекса игровых автоматов. Вполне обычный способ начать отношения, как это часто бывает.

Джеки всегда думала, что они прекрасная пара, хоть Карлос и больше обычного погружался в то, что называлось «наукой», а Сесил иногда проявлял чрезмерный энтузиазм по отношению... ну, ко всему. К тому же сам факт, что Карлос был «пришлым», казался необычным. Найт-Вэйл принимает не очень много новых жителей, и большинство родившихся здесь людей никогда отсюда не уезжает. Карлос всем понравился, ведь всем нравилось большинство неместных (или «чужаков», как любовно нарекли их обитатели Найт-Вэйла, выкрикивавшие это прозвище всем незнакомцам, встречавшимся им на улице). Он был довольно милым, довольно симпатичным и довольно смышленным, чтобы стать достойным порицания, но, несмотря на все это, никто не опасался его мудреной науки и стильной прически.

Поскольку Сесил открыто говорил о Карлосе в своем радиошоу, их отношения со всеми их недостатками и изъянами стали в Найт-Вэйле предметом почти не прекращавшегося обсуждения, что сделало эти две личности достойными любви. Они превратили эти изъяны в обычную небрежную, удобную, непрочную и прекрасную структуру, в которую в конечном итоге трансформируются любые долговременные отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.